

A movie poster for 'Ledi Ru'. The central figure is a woman with long dark hair and striking blue eyes, wearing a white fur-lined hood. She is holding a large, ornate sword with a silver blade and a brown hilt. The blade has a circular emblem and Arabic calligraphy. The background is dark and atmospheric, with a single lit street lamp on the right. The title 'ЛЕДИ РУ' is written in large, white, stylized Cyrillic letters on the right side.

ЛЕДИ РУ

ВЛАДИМИР
Елистратов

Миссия выполнима

Владимир Елистратов

Леди Ру

«ВЕЧЕ»

2017

Елистратов В. С.

Леди Ру / В. С. Елистратов — «ВЕЧЕ», 2017 — (Миссия
выполнима)

ISBN 978-5-4444-9100-3

Евдокия Русакова, владелец небольшого продуктового магазинчика в провинциальной глубинке, неожиданно обретает покровительство влиятельного агента отечественной разведки и становится сотрудницей российских спецслужб. Чтобы войти в доверие к русской жене западного «глобалистского воротилы», известной писательнице Илоне Зулич, она отправляется в Италию, но тени прошлого готовят ей серьезные испытания...

ISBN 978-5-4444-9100-3

© Елистратов В. С., 2017

© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

Леди Ру	6
Глава 1. Все кончено	6
Глава 2. Явление Аладдина	8
Глава 3. Крокодилы и правила русской орфографии	13
Глава 4. Месть назначена на шесть	17
Глава 5. О главном	21
Глава 6. Чтоб не травмировать Бога	24
Глава 7. Целлюлит-97	27
Глава 8. Карма, блин...	31
Глава 9. Прыжок Тарзанихи	35
Глава 10. Приключения Электроника	38
Глава 11. От упыря до Тютчева	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Владимир Елистратов

Леди Ру

© Елистратов В.С., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

* * *

Леди Ру

Глава 1. Все кончено

Плакать не хотелось. Есть – тоже. Хотелось курить.

Я закурила «Vogue». Как всегда. Хотя слово «всегда» теперь, в силу сложившихся обстоятельств, явно распространялось только на прошлое.

Странное это слово – «всегда». Похоже на избушку на курьих ножках. Или на матерую шлюху. Поворачивается то задом, то передом, в зависимости от превратностей судьбы.

Сейчас «всегда» (курить «Vogue») обернулось ко мне задом. Я курю эти сигареты где-то четыре года. Чуть больше. Судя по всему, через пару недель эти изящные «палочки здоровья» придется сменить на что-нибудь более дешевое. Потому что они станут слишком дорогим удовольствием.

В принципе дальнейший сценарий сегодняшнего вечера мне был ясен. Сейчас я покурю. Потом меня потянет плакать. Плакать придется в кладовке. Для конспирации. В кладовке, «как всегда», будет пахнуть просроченным пивом. А пахнет оно мерзко – типа подгнившего чеснока.

И вот я проплачу минут двадцать в этом просроченном чесноке. Потом умоюсь. Покурю еще раз. А дальше – захочу есть.

И я скажу себе, как говорят эти похожие на мускулистых динозавров американские тети из жизнеутверждающих голливудских фильмов: «Дуся, – скажу я себе. – Ты не должна есть. Ты должна взять себя в руки и не есть. О'кей? Если ты начнешь есть, ты потеряешь этот... как его?... селф-контроль и нажрешься, как африканский хомяк. И прибавишь еще пару килограммов к своим восьмидесяти. Дай себе установку не есть. Дай ее себе, Дуся! О'кей?»

А потом я отвечу себе, как простая русская баба: «Да залейся оно все вредным кетчупом!» Этот слоган можно петь на мотив: «Чтобы тело и душа были молоды...»

И я наемся. Салатики, тортики и дальше по списку.

Говорят, эффект психологического пофигизма при моем росте (165) наступает после ста килограммов. То есть сначала, до ста, женщина волнуется, комплексует, судорожно ощупывает до синяков свои целлюлитные соцнакопления и так далее, а после ста ей становится совершенно комфортно. То есть, по-нашему говоря, – на...рать. Господи, о чем я думаю! У меня сегодня с утра, можно сказать, жизнь порушилась, а я тут...

«Vogue» приятно катать между пальцев. Он похож на какой-то плотненький стебелек из детства. Катаешь его в руке, потом засовываешь в рот, затягиваешься, всасывая сладкий соковымок из стебелька... Да, как в детстве.

Я выбросила окурок в банку из-под Нескафе и стала ждать приступа слезливости. Странно, но он почему-то не наступал. Такое случается, но редко. Может быть, сегодняшний стресс сместил что-нибудь там, в носу? Или в гормонах? А может быть, он накатит позже.

В магазине все уже давно стихло. 10:30. Все разошлись по домам. Продавицы, охранник, грузчики. Они еще ничего не знают, а завтра им надо будет все сказать. Но это будет завтра.

Я вышла из магазина. Вокруг было темно и тихо. Стояла русская провинциальная осень. Где-то глухо бухала, как будто кашляет отставной прапорщик, собака и гудела сбрендившим шмелем подстанция.

В старых пятиэтажках зажглись окна. В шахматно-пьяном порядке. Пустырь. Дальше – деревенские домики, темные, холмистые поля, переходящие в ночное небо с нарождающимися звездами. Полная желтая луна с голубыми тромбофлебитными венами вынырнула из-за облака

и зависла словно бы в растерянности над полуоблетевшим черным тополем. «Еще и полнолуние до кучи», – подумала я.

Когда я подходила к дому, я поняла: нет, слезы и истерика все-таки будут. Только бы успеть зайти в подъезд, подняться на четвертый этаж. Никого не встретив, нырнуть в квартиру и запереться.

Мне повезло. По пути мне встретилась только кошка Сява на подоконнике лестничной площадки между третьим и четвертым этажами. Сява, обычная серая кошка с темными изводами, так и живет в нашем подъезде. Она конкретно ничья и общая. Вроде меня.

Я погладила кошку. Та нежно боднула мою ладонь шерстяной головой и преданно, не по-кошачьи, а совсем по-собачьи, мурлыкнула. И здесь на меня почему-то накатила такая жалость к себе, что я, быстро поцеловав Сяву в ухо, бегом бросилась по последнему лестничному подъему к своей двери. Споткнулась и больно ушибла колено. Это было последней каплей. Чтобы окончательно захотеть реветь, надо больно ушибиться. Желательно коленом или локтем. Проверено.

Слезы начали бесповоротно душить меня, когда я вставляла ключ в замочную скважину. Когда я закрывала задвижку изнутри, я уже выла. Правда, шепотом: у нас очень хорошая звукопроводимость.

Перебираться из коридора в комнату или на кухню для того, чтобы хорошенько пострадать не имело смысла. Страдается лучше на полу. Тоже проверено. Если спиной облокотиться к стенке и прижать ноги к животу. А там, на кухне, – всякие стулья, столы. Это мешает.

Я села на коврик для обуви и стала тихо выть.

Через полчаса я умылась и закурила. Когда огонек подобрался вплотную к фильтру и фильтр стал кофейно темнеть, я почувствовала, что кто-то стоит с той стороны двери.

Я затушила окурков в горшке с бессмертником, поглядела на себя в зеркало. Глаза красные, конечно. Ну и ладно. Я посмотрела в глазок. Никого. Но кто-то там явно был. Я чувствовала. Может быть, он был, но ушел? Может быть. Если не открывать дверь, то так и будешь переживать. А если открыть – все станет ясно. А я по-настоящему боюсь в жизни только одного – неясности. И в большом и в малом. А ясности, даже страшной, я не боюсь. Я взяла молоточек для отбивания мяса, отщелкнула задвижку и резко открыла дверь.

У двери стояла Сява и смотрела на меня зелеными, как мытый крыжовник, глазами. В глазах кошки была тревога и сострадание.

– Сявочка, Сявочка, – сказала я и стала гладить кошку. Кошка ласкалась и мурлыкала. Как ей и положено. Тут я почувствовала, что начинаю хотеть есть. Я взяла кошку на руки и понесла на кухню.

– Ну, Сява, давай пировать...

В два часа ночи я лежала в кровати. Полная белая, почему-то уже без прожилок луна пытливо заглядывала в мое лицо. Я посмотрела на нее устало, сказала «пока» и закрыла глаза. Кошка то ли успокаивающе, то ли тревожно урчала под боком. «Ну и ладно. Будь что будет», – подумала я и сразу же провалилась во что-то мягкое, невесомое и лунное.

Глава 2. Явление Аладдина

А случилось вот что.

Накануне утром, около одиннадцати, к моему магазину «У Дуни» подъехал забрызганный свежей грязью джип цвета маренго. Этот джип был мне хорошо знаком. Он принадлежал моему давнему приятелю, азербайджанцу с почти нереальным именем Аладдин. Сорок пять лет. Жена – русская. Четверо детей. Предприниматель. На редкость порядочный мужик, уже пятнадцать лет живущий в России. По-русски говорит чисто, почти без акцента. Так только, общая сладковатость в интонации. Модуляции в стиле рахат-лукум.

Поскольку Аладдин был, мягко говоря, полным азербайджанцем, в смысле – толстым, то наши девки звали его Оладушек. Мужики – Ахмадыч.

У Аладдина было три торговые точки в соседних городах. Две – в Коротееве. Это в трех километрах отсюда. И одна – в Починке, это чуть дальше.

Поясню.

Уже четыре года я «держала» магазин в Курилках. Курилки – это населенный пункт. Две с половиной тысячи жителей. Четыре пятиэтажки. Три магазина. Продовольственных. Плюс, как полагается, вино – пиво – водка. Один магазин – мой. Думаю, вернее – знаю, самый приличный. Оборот – тоже приличный. Жить можно. Две другие точки принадлежат Федору Храпунову. Этот вырос из криминала. Законник, кличка – Храп. Законник он, впрочем, липовый. Говорят, «вора в законе» он купил. Дела его идут плохо. Авторитета, даже во всей этой криминальной банде, вышедшей из девяностых, у него, видимо, не было. Потому что он каким был уркой пятнадцать лет назад, таким и остался. Все эти пацанские расклады, стриженные обдолбанные ребята в черных куртках и с лицами покемонов-даунов, которые с утра в спортзалах, а вечером на пьянках... В общем, как говорится, мелко плавают. К тому же он крепко сидел на героине, психовал и достал всех. От населения до администрации района. Честно говоря, мужик он изначально неплохой. Но «наслоений» – море. Обкурится – и поехал кукундер. Искалечит кого-нибудь. Потом, кстати, кается. Достанет со своими раскаяниями. Типичный урел: гремучая смесь дикой жестокости и надрывного сентиментализма. Вообще во всех этих шансонных уголовниках часто много бабьего, истеричного. Не уважаю.

Моя точка уже четыре года крепко крышевалась областным начальством. Наш районный папа, Сергей Сергеич Паровозов, был человек тоже с криминальным прошлым, тоже когда-то, в малиново-распальцованном начале девяностых, был Паровозом, но ситуацию просек быстро. Перестал слушать радио «Шансон», свел неприличную наколку на запястье и стал Сергеем Сергеевичем Паровозовым. При этом, разумеется, воровать он не перестал. Просто перешел на другой уровень. Упорно шли слухи, что Сергей Сергеич метил на область. То есть – на губернаторство. Губер Паровоз – это было бы неплохо.

Меня он крышевал по самой банальной причине: мой отец вместе с ним служил в армии. И не просто служил, а дружил и даже один раз вытащил его из реки, когда тот тонул по пьяни. Надо отдать должное Паровозову, такие вещи он не забывал. Помню, прихожу в 93-м устраиваться секретаршей в районную администрацию. Сидит Паровозов (он там тоже был еще начальником отдела кадров), держит мои документы.

– Так, – говорит, – значит, Евдокия Ивановна Русакова?..

– Да, – говорю.

– Так. Родилась в деревне... Кресты. Отец – Иван Иванович... Лаптев. Стоп, девочка...

Ваня Лаптев из Крестов... Это твой отец, что ли?

– Он.

– Тракторист?

– Да. Он умер полгода назад. Погиб.

– Как?

– Водкой отравился.

Паровозов внимательно посмотрел на меня. Вдохнул. Сильно саданул ладонью по столу. Подписал документы. Помолчал, затем спросил:

– А чего же фамилию ты не его взяла, а?

– Так вышло, – отвечаю.

– Вышло... Ты на него, девочка, похожа. Очень похожа.

Потом, уже через несколько лет, Паровозов как-то позвонил мне теплый и все рассказал. С тех пор, с 93-го, он мне покровительствовал. Крышевал, если по-нынешнему.

Я почти не помню отца. Жили вместе шестнадцать лет. И – почти ничего. Так, смутно. Как через стекло, когда ливень.

И вот в одиннадцать на своем подержанном внедорожнике цвета маренго к магазину подъехал Аладдин. Аладдин был очень возбужден. Красный, мокрый. Когда он волновался, у него усиливалась одышка и он скалился, дыша почему-то сквозь зубы. И еще очень отчетливыми становились ресницы. Такой получался огромный, толстый, потный, оскалившийся ангел.

Я была в магазине. Могла бы, конечно, сидеть дома. Но дома мне делать нечего... поэтому я почти всегда на работе.

– Привет, Евдокия, – сказал Аладдин, властно накрыв собой стул.

– Привет, – ответила я. – Что случилось?

– Есть разговор. Звонить я тебе не стал. Знал, что ты тут. Лучше так поговорить.

– Давай поговорим.

Аладдин красноречиво покосился на грузчика Петьку, стоявшего у стены и невинно щелкавшего на мобильнике. Он играл. Двадцать три года мужику, а играет, как первоклашка. Петька взгляда не заметил: он был очень увлечен.

– Эй, Петь... – сказала я.

– Чо? – спросил Петька, не глядя на меня.

– Петь...

– Ну чо?..

Вот животное, а?!

– Суп харчо, блин! – взорвалась я. – Иди работай!

Петька поднял на меня свои телячьи белесые глаза:

– Вы чо, Евдокия Иванна?!

– Ты меня, может быть, еще раз свое «чо» спросишь, а? Иди, работай, тебе сказали...

– А я ничо. Я работаю. У меня перекур.

Петька ушел. Причем уже на ходу возобновил игру. Я глубоко вздохнула, закрыла дверь, села и закурила. Аладдин некоторое время никак не мог отдышаться, потом тоже закурил. Затянувшись, Аладдин заговорщически выпустил дым себе куда-то за левое плечо и сказал:

– В общем так: Сергеич уходит.

– Сергей Сергеич?! Как уходит?.. Куда уходит?..

Аладдин помолчал, оскалившись:

– Думаю, в тюрьму уходит.

– Да ты что говоришь-то?! Аладдин, ты что?..

– Что знаю, то и говорю. Хана нам, Евдокия, вот что. Короче, мне Ахмад все рассказал. Сергеич, ты знаешь, уже год работает на повышение. Он, чтобы область взять, очень конкретно вложился, там что-то типа двадцати лимонов долларов получается. Я не знаю точно, в чем дело. Только получилась такая фигня, что он не один туда, в эту область, хочет, вот что. Туда еще другие хотят, Евдокия. Вот как нехорошо получилось.

– Но это ж так обычно делается... что ж тут особенного? Переплатит всех и все.

Аладдин нехорошо ухмыльнулся:

– Всех, Евдокия, не переплатишь. Понимаешь, Евдокия... Паровоз дурак оказался. То есть он, конечно, умный человек. Но есть еще умнее люди. Понимаешь, бывает животное хорек. Он хищник, но мелкий. А бывает крупный хищник крокодил. Хорек, конечно, тоже может за жопу укусить. Но крокодил на жопу размениваться не будет. Он тебя целиком кушает. Концепция у него такая. Паровоз из воров в начальники пришел и, наверно, как это сказать?... Устал, что ли. Потолок у него образовался. В виде жопы. А там, понимаешь, Евдокия, уже другие люди идут. Которые не устали. Молодые, здоровые, с толстыми умными мордами. И денег у них намного больше, несмотря на этот ихний кризис-шмизис. Раз в сто больше. Он пока свои жалкие лимоны вкладывал, чтобы из районного папы областным дедушкой стать, другие за ним внимательно из-за шкафчика наблюдали. Фотографировали, на пленочку снимали. Он думал, он хитрый и его не видит никто. Вот как он думал. Я образно выражаюсь. Он деньги из всех карманов быстро выложил, сидит и думает: «Вот я умный какой дядя Паровоз, всех нае. л, как Зорро». Увлёкся он. Как этот твой...овощ... грузчик Петя. А тут к нему подошли приличные такие господа в начищенных штюблетах и сказали: «Дорогой Сергей Сергеич, это случайно не ваши кипюры?» Он гордо говорит: «А что?» А они говорят: «Вы, Сергей Сергеич, извините за прямоту, взяточдатель, вымогатель и расхититель. А еще – очень-очень нехороший человек. Можно сказать, падла, гнида и потс. Так что пошли с нами к следователю». Вот примерно, что получилось, Евдокия. Забрали Сергея Сергеича. Вчера вечером. Что думаешь?

Я, честно говоря, не знала, что и думать. Я знала, что Аладдин тоже ходил под Сергеем Сергеевичем. Плохо, конечно, что крыша уходит. Но ведь будет какая-нибудь новая. То, что Паровозов сгорел – это, конечно, странно. А впрочем...

Взять нас с Аладдином – не за что. Все отстегивалось тихо. Да и не нужны мы никому. Плохо, конечно, дело. Но не надо отчаиваться.

– Слушай, Аладдин, – сказала я. – А чего нам с тобой бояться? Что будет нашим точкам? Кроме Храпа, все хозяева – люди вменяемые. Ахмад, я, ты. С Храпом мы как-нибудь сообща разберемся, если он накатывать начнет. Да он и не начнет. Ну, придет другой папа... Договоримся и с ним.

Аладдин уверенно, с расстановкой, до отказа покачал головой из стороны в сторону. Пять раз туда, пять раз обратно. Я зачем-то считала.

– Нет, Евдокия, не договоримся.

– Почему, Аладдин?..

– Потому что крокодилы с жертвами не договариваются. Ты, Евдокия, знаешь такое выражение: «Торговая сеть»?

– Ну.

– Вот. Не будет больше торговых точек дяди Аладдина, торговых точек дяди Ахмада, торговой точки тети Дуни и магазинов Феди-придурка. Не будет. Будет «торговая сеть». Вот что будет, Евдокия. И знаешь, кто будет хозяин этой сети?

Аладдин помолчал, потом, опять оскалившись, почти шепотом произнес:

– Ваха.

Ваху знали все. То есть не знал его никто, но знали, что есть такой человек – Ваха. Он нигде не светился. Его никто не видел. Никакой информации о нем ни у кого не было. Вернее, была одна информация – это самый серьезный человек. Вот и все. Если приходил Ваха, уходили все. Кто не уходил – например, попадал в аварию.

– Что, Ваха будет губернатором? – неуверенно спросила я.

– Нет. Никогда. Губернатором будет какой-нибудь клоун из телевизора. Который рот умеет правильно раскрывать, нужные пионерские речовки произносить и улыбаться, как карапуз на соску. А в районе – вообще какой-нибудь беспризорник будет сидеть. Типа официанта в «Макдоналдсе». А главный будет – Ваха. Ваха уже главный в трех областях. Ему, Евдокия,

четвертая нужна, наша. Магазины – это так, до кучи. Ему тут лес и наркотики приглянулись. Понимаешь? У нас в области много леса и много наркоманов. Нужна ему наша область. И он ее уже взял. Паровоз уже сидит, и еще пятеро гоблинов сидят, которые Вахе не нужны. Сейчас решается, будет нынешний губернатор под Вахой или этого поменять надо. На свежего. Знаешь, как постельное белье меняют?..

– А я думала, губернаторов в Кремле назначают.

– Правильно. Вот Ваха решит, кого нужно назначить, порекомендует, его в Кремле и назначат. Он свой в администрации. Вот оно что. Дядя Вова или дядя Митя ему руку пожат... Скажет, чтоб надое повысил, чтоб с коррупцией боролся, как Мцыри с барсом. Тот скажет: нет базара... А этот-то наш... Шмаровоз... попку уже шампунем от перхоти помыл, трусики «Тайдом» выстирал, зубки «Блендамедом» почистил... Вай-вай-вай...

– Ну а нам-то что с тобой, Аладдин?.. А? Пусть они там себе наверху в свои взрослые кегли играют... Нам-то что? Что, Вахе твой магазин нужен? Или мой? Это ж ему – как киту «тик-так»...

– Эх, Евдокия, Евдокия, умная ты женщина, а все равно... баба. Извини, конечно. Ты же знаешь, как я к тебе отношусь. Очень хорошо отношусь. Ты – умней меня, клянусь Аллахом.

Аладдин посерьезнел, даже помрачнел:

– Слушай. Вся торговля в области, включая наш зажопинский район, уходит под Ваху. Это – решено. То есть под его контингент. Это уже все в соседних областях обкатано. Хозяева всех точек будут его люди. Понимаешь? Это уже точно. Ахмада уже предупредили. И предупредили, чтоб он предупредил тебя и меня. Федю Храпа этого просто... уберут. Ну, не физически, может быть... Это от него зависит... У Вахи такой принцип: все – свои. А хозяева точек обязательно возьмут на работу своих родственников. Ну... грузчик Петя, может, и останется. Хотя – сомневаюсь. А вот ты точно не останешься. И я тоже. У нас с тобой три дня. Знаешь, как в сказках. До выходных. Пожалуйста: реализуй все, что успеешь. Бери выручку. Рассчитывайся с Петями-Машами... Тут Ваха, в общем... даже благородно себя ведет. Тебя не грабят, ничего у тебя не отнимают. Кроме главного – точки. Ты гордо уходишь и освобождаешь помещение... Но если ты его не освободишь – его освободят от тебя... Кое-что компенсируют. Чуть-чуть. Чтоб тебе пару месяцев было что покушать. Тебе ведь Паровоз точку считай подарил. Так? Ты с нее четыре года хлеб с маслом кушала? Так? Чего тебе еще надо? Логично? Кстати, помещения Вахе на год-другой только нужны. Он потом отстроит новые. Создаст эту... как ее?... цивилизованную, б... дь, систему торговли. Для нас с тобой тысяча долларов – это деньги, а для него нет. У него другой порядок бабок. Все будет у него зашибись три раза, но мы с тобой этого рая уже не увидим. Вот такие дела, Евдокия.

Он замолчал, глядя в край стола. Я почувствовала, что у меня начинают дрожать руки. Я зажала их между колен и стала смотреть в ту же точку, что и Аладдин.

– Жалко, что я не чечен, б... дь, – сказал, зло улыбаясь, Аладдин. – Был бы я из Вахиного тейпа. А то, б... дь...

– Ладно, не матерись, – поморщилась я. – Зербод – это тоже некисло. У тебя вон два двоюродных брата в Москве.

– Два брата... акробата. Они на Мытищинском рынке дагестанской бараниной торгуют... Рубят баранину по десять часов в день. Мне Тогрул звонит, говорит: каждую ночь бараньи яйца снятся. Словно я их отрубаю, а они, паразиты, обратно отрастают... Кошмарный такой вот сон... В Москве, б... дь...

Помолчали. Аладдин нехорошие слова артикулировал особенно четко. Как будто вкладывал в них какой-то особый шаманский смысл.

– Баранина – это хорошо, – сказала я. Меня стало знобить. И началась тоска. Где-то в животе.

– Да уж, куда лучше, – отозвался Аладдин.

Я чувствовала, что надо говорить что-нибудь, а то будет плохо, разревусь еще:

– А у меня вот никого нигде нет. Мать в деревне – и все.

«И деньги я почти все в товар вложила», – подумала я, но говорить не стала, сказала другое:

– Но ведь так не делается, Аладдин... Три дня...

– Делается, Евдокия, еще как делается. Они там очень торопятся. Не знаю почему. Тебе звонить будут. Завтра, наверное. Ты не дури. Не психуй. Сама сказала – мать у тебя... Ладно. Что-нибудь придумаем, – сказал Аладдин.

Он взял сигарету, но тут же скомкал ее, оскалившись:

– Опять все заново начинать!.. Только все наладилось!.. Эх, ш-шайтан...

Аладдин произнес то, что мне так не хотелось произносить. Но слова были сказаны – и стало немного легче. Все ясно и просто, как эти отрубленные бараньи яйца. Где-то пять-шесть лет жизни остались в прошлом. Буквально физически отрублены. И никогда уже не отрастут. Если только во сне.

Через десять минут Аладдин уехал. Я стиснула зубы и стала работать. Звонить. За день кое-что удалось уладить. Очень немного, но хоть что-то удалось. Потом наступил вечер. А потом – ночь с Сявой и полнолунием.

Глава 3. Крокодилы и правила русской орфографии

Утром я проснулась около восьми. Голова не болела, но была совершенно свинцовой. Тело тоже. Сява скреблась в дверь. Наверное, уже давно. Она хотела выйти, чтобы опять стать свободной. Наш ночной гастрономический роман закончился. Сява поела колбасы, свиной печенки, сметаны и молока. Теперь ей нужна была свобода. Я подумала, что у кошек все куда логичней, чем у людей. У людей есть или свобода, или колбаса. А того и другого вместе не бывает. У меня вчера отняли колбасу, но дали свободу. Нормальный ход судьбы.

Я выпустила Сяву, поставила чайник, села за кухонный стол, обхватив голову руками. Впереди у меня было еще два дня. Которые мало что могли изменить. Точнее – ничего изменить не могли. В принципе все подсчеты я сделала еще вчера. Результаты были неутешительные. Я ощущала что-то среднее между жалостью к себе и уважением. Тоже к себе. Вернее: умилением перед собственным благородством. За четыре года я умудрилась не накопить практически ничего. Думаю, Петя накопил больше. Четыре года у меня был свой магазин. Свой! Я назвала его «У Дуни». Плюс – маленькая пивная. Это был добротный магазин. С оборотом солидного провинциального магазина. Обороты уверенно наращивались. Около двухсот мужиков ежедневно отоваривались в магазине водкой. Это уже немало. С пивом все было тоже в порядке. Алкоголь, конечно, определял кассу. Но и окорочка, и тортики, и чипсы – все это тоже делало свое дело. Персонал получал по местным понятиям более чем солидные деньги. Паровоз свое брал аккуратно. За своей долей ежемесячно приезжал вежливый мент с говорящей фамилией Посадилов. Месяц назад магазин был отремонтирован. Почти с шиком. Еще через месяц планировалось завести пять игровых автоматов. Паровозов дал разрешение. И что теперь?

Теперь, через два дня, после того, как я со всеми рассчитаюсь, у меня останется смешная до слез сумма. Просто трогательная: пять тысяч долларов. Которые я чудом не вложила три дня назад в пиво. Еще – однокомнатная квартира в пятиэтажке в поселке Курилки в двухстах с лишним километрах от Москвы. И старая, пятилетняя «Нива», которая в лучшем случае пробегает еще год-полтора. Если ее периодически латать.

Подозреваю, что мама, которой я в последнее время ежемесячно отсылала по пятьсот долларов в ее деревню с уговорами хоть что-нибудь купить, ничего не покупала, ела свою картошку и кое-что накопила. Кое-что – это максимум тысячи три-четыре. Наверное, какие-то крохи отсыплет дядя Ваха. Несколько тысяч максимум. Даже если у меня есть пятнадцать тысяч, ну двадцать, с такой суммой начать все заново нельзя. А что, собственно, начинать? Мне – тридцать пять лет. У меня нет никого, кроме мамы. И не будет. Господи!.. Зачем ты вообще сделал так, что я живу?!

Нет, очередное «курить-плакать-есть» отменяется. Я приняла холодный (потому что в Курилках горячей воды почти никогда не бывает) душ, попила пакетного чаю и пошла на работу. В предпоследний раз.

В обеденный перерыв я собрала всех и объявила твердым голосом, что завтра магазин закрывается. По причинам, которые от меня не зависят. Все получают отходные, которых им хватит месяца на три. Это немного утешило ребят.

Днем мне на мобильник позвонил очень вежливый неизвестный и назвался Тимуром Тимуровичем:

– С вами говорил Аладдин Ахмадович?

– Да.

– Он объяснил вам ситуацию?

– Да.

Трубка помолчала. Потом сказала:

- Может быть, у вас есть какие-то вопросы?
- Нет.
- Тогда, если вы позволите, мы... с коллегами придем послезавтра к шести.
- Утра?
- Да.
- Я вам... с коллегами... не нужна?
- В принципе... нет. То есть – если вы... конечно... хотите...
- Нет, не хочу. Не имею ни малейшего желания.
- Как вам угодно. Тогда мы осмотрим помещение сами... Определим...
- А ключ?
- Ключ?..

Трубка задумалась. Эта мелкая деталь, кажется, не была предусмотрена в сценарии цивилизованного погрома. Тогда я сказала:

- Ясно. Наполеон ждать бояр с ключами от Москвы не будет.
- Извините?..

Трубка сначала не поняла, но потом мягко засмеялась:

- Вы все шутите, Евдокия Ивановна...

– Да, шучу. Мне смешно. Ситуация – вообще забавная, правда? Скажите, это вы будете хозяином магазина после меня? Поверьте, это просто женское любопытство. Просто – любопытство. Просто – женское.

Трубка помолчала. Потом со сдержанным весельем ответила:

– Да. Вернее так: я буду... курировать около ста точек в области. В том числе и вашу. За неделю я должен проинспектировать все точки. Еще вопросы у вас есть?

– Ключи будут лежать на черном входе. Под второй ступенькой сверху. Там дощечка отходит. Вы увидите.

– Хм... Спасибо, Евдокия Ивановна. Дощечка отходит... Вы очень интересная женщина. Я вас не знаю... Лично... Хотя кое-какие справки о вас я навел. Может быть...

- Всего доброго, – сказала я ядовито-вежливо и отключилась.

«Сволочь... Куратор хренов...»

Я записала номер этого гада Тимура Тимуровича на мобильник. Надо же – сам позвонил и попросил освободить помещение. Меня душила ненависть. Причем ненависть неожиданно холодная. Можно сказать, спокойная. Эпическая. Это было что-то новое. Обычно я вспыхиваю и отхожу. А здесь... В голове отчего-то крутилось: «Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына...». Атавизмы неоконченного высшего образования... Я вдруг решила, что когда-нибудь потом, лет через десять или двенадцать, я найду все-таки этого Тимура Тимуровича. А заодно и этого «страшного и ужасного», этого всесильного суку Ваху. И убью их. Этих нарочито вежливых крокодилов, которые спокойно и по-деловому сломали мне жизнь. А может быть, и не через десять... И не через двадцать. Может быть, даже очень скоро.

Мобильник зазвонил снова. Это был опять Тимур Тимурович (я его ввела в телефон под кодом «Гад Т.Т.»)

- Извините, Евдокия Ивановна, это опять я, Тимур Тимурович...

- Я поняла, – у меня даже ушибленное вчера колено заныло от злости.

– Вы отключились, а мы не оговорили самого главного. Какая сумма вас бы устроила, Евдокия Ивановна?

– А я думала, вы все просто так заберете... Оставьте там, под ступенькой рубль на память...

Т.Т. помолчал. Он вообще был любитель пауз. Может, он мхатовец, у Станиславского учился?.. Качалов, блин...

– Давайте сделаем так, – сказал он. – Через час я пошлю вам на точку человека с бумагами. Вы их подпишите. Потому что акт о передаче должен быть оформлен сегодня. Поверьте, Евдокия Ивановна, от меня это не зависит. Если вы не хотите назвать сумму сейчас, то я перезвоню вам послезавтра днем, после осмотра точки, и мы обо всем договоримся. Постфактум.

«Да он меня за идиотку держит!» – мысленно воскликнула я.

– Евдокия Ивановна, – продолжал Тимур Тимурович опять после пяти секунд многозначительной тишины. – Повторяю... Или назовите устраивающую вас сумму сейчас, или, если вы сомневаетесь, мы договоримся послезавтра. Вам, да и мне, будет спокойней, если вы назовете сумму сейчас. Конечно, реальную сумму. Утром послезавтра я просто определяю степень реальности суммы, приехать сегодня я не могу. Я в Хабаровске.

«Они в Хабаровске...» – мысленно, с интонацией Корovieва-Фагота, сыронизировала я.

– Я понимаю, что у вас нет никаких оснований доверять мне...

«Да уж... Тебе доверять – это как с крокодилом в ромашку играть...»

– Поэтому назовите сумму прямо сейчас, и прямо же сейчас назовите ваши банковские реквизиты... Я записываю.

Мне даже стало весело.

– Вы учились в школе, Тимур Тимурович? В средней?

– Да. Если вас это интересует. И еще в двух университетах.

– Замечательно. Не в Оксфорде, случайно?

– Нет. В Кембридже. Но сначала – в МГУ. А что?

– Надо же. Из Кембриджа в Курилки ломанулись... Плохо, видно, дела в Кембридже? Перебои с овсянкой? Да?.. Может, вы и диссертацию защитили?

– Защитил. Две. Сначала кандидатскую, потом докторскую.

– Ошеломительно. Значит, если вы такой умный, вы должны знать правила русской орфографии.

– Да. Кандидатская у меня была по лингвистике.

Он говорил совершенно спокойно. Никакой насмешки в голосе. «Действительно – крокодил, – подумала я, – или зомби какой-нибудь». Вот они: «здоровые, с толстыми умными мордами», как выразился Аладдин, «...племя младое незнакомое...»

– Вы знаете, как пишется «пол-лимона»?

Трубка кашлянула, а потом невозмутимо произнесла:

– «Пол-лимона» пишется через дефис.

– Мне тоже так кажется. А слово «евро», к вашему сведению, не склоняется. Как «эскимо». Странная вещь, Тимур Тимурович: слово «дерьмо» склоняется, а «эскимо» – нет. Вы, Тимур Тимурович, кстати, не знаете почему? До свидания.

– Постойте, Евдокия Ивановна... Во-первых, слово... «дерьмо» склоняется, потому что оно исконно русское. А «эскимо» – заимствованное. А во-вторых, дайте все-таки ваши реквизиты...

«Господи, зачем это все? Хоть бы посмеялся, паскуда... Может быть, они еще что-нибудь затеяли?...»

Я автоматически раскрыла сумку, достала карточку и записнушку. Назвала реквизиты банка и номер счета.

– Вот теперь, Евдокия Ивановна, до свидания, – сказал Тимур Тимурович.

Я отключилась молча.

Ладно. Подавись. Все-таки в том, что я назвала номер счета, было какое-то унижение. Как будто тебя изнасиловали, а потом дали рваную трешку и попросили расписку в получении. И ты ее взяла и дала расписку. С другой стороны, не исключено, что несколько тысяч долларов он и переведет. Так, из крокодильей сентиментальности. Такое у них случается. А с паршивой овцы... В конце концов всю эту историю надо воспринимать как цунами. О каких человеческих

чувствах здесь может идти речь? Жить-то надо. Или уже не надо? Дуся, Дуся... Стоп. У тебя есть мать. А пока она есть...

Совсем они там сбрендили от кризиса, эти олигархи. Мало им Москвы с Чукоткой. До Курилок, подонки, добрались... Докторá из Кембриджа решили просроченное пиво толкать. Капиталистическую продразверстку устроили. Скоро штаны будут с бомжей на помойке снимать...

Реально за магазин можно было бы, если постараться, получить тысяч сто долларов. Плюс где-то – максимум – пятьдесят, так сказать, как неустойку. Конечно, труда было вложено на все эти... которые пишутся через черточку и не склоняются. Но кого же это интересует? Мне переведут три или пять тысяч. Или вообще ничего не переведут. Вот это и есть «ЭРЭРЖЭ», реальная русская жизнь. «Исконно русское дерьмо». Наверное, он разыграл весь этот спектакль, чтобы я хоть немного успокоилась и не наделала каких-нибудь мелких пакостей. А мелкие пакости я делать и не буду. Я сделаю большие. Но – потом. Дайте срок, дайте срок... А эти поганые тимуровские деньги я сожгу. В печке. Как у Достоевского.

Глава 4. Месть назначена на шесть

Через полчаса я была в магазине. А еще через полчаса в магазин приехал на синей тойоте молодой человек лет девятнадцати. Прилично одетый, светловолосый, невысокий, но ладный. Симпатичный (правда – симпатичный!). С умными серыми глазами и с черной кожаной папкой под мышкой.

– Вы – Евдокия Ивановна?

– Я.

– Здравствуйте. Я Вадим.

– Здравствуйте. Садитесь, Вадим.

Я сидела за столом. Молодой человек присел, достал из папки документы и бережно (но без нажима) положил их передо мной. Я бегло пробежала глазами листы. Чуть задержалась на финансовой графе. Графа была пуста. Я усмехнулась. Молодой человек, не улыбаясь, произнес:

– Тимур Тимурович перезвонит вам завтра утром.

– Сомневаюсь.

– А вы не сомневайтесь.

Все это мне вдруг сразу, в одну секунду смертельно надоело. Накатила усталость. «Делайте, что хотите, – подумала я. – Хоть закопайте живьем, мне все равно».

– Где подписывать?

– Вот здесь...

Я подписала.

– И здесь.

Я подписала.

– И наконец здесь...

Мне показалось, что последняя подпись получилась какая-то жалобная. Финальная закорючка, обычно округлая и бодрая, свисла с фамилии, как поломанная ветка.

«Редко, редко судьба стреляет метко, метко...» – подумала я, а может быть, – пробормотала.

– Извините?.. – молодой человек слегка склонил голову набок.

Это «Извините?» что-то мне напомнило. Где-то я его уже слышала.

– Да нет, это я так...

– Спасибо, Евдокия Ивановна. Всего хорошего.

Он встал и направился к двери. Я вспомнила, что такое же «Извините?..» я слышала от Тимура Тимуровича.

– Молодой человек... – остановила я его.

– Да?

– Вы случайно не родственник Тимура Тимуровича?

Молодой человек помолчал:

– Я его сын. Всего доброго.

– Всего доброго.

«И молчит в папу... Симпатичный мальчик. А будет такой же сволочью. Что ж у нас за страна такая?..»

Мне страшно захотелось лечь и заснуть. Было одиннадцать часов утра. Я позвала Любу, самую смышленную из продавщиц, игравшую роль моей негласной заместительницы. Распорядилась насчет выручки и всего прочего.

– Все ясно?

– Все.

– Ничего, Люб. Пару месяцев перекантуемся, а потом что-нибудь придумаем.

- Придумаем, Евдокия Иванна...
- На днях созвонимся.
- Хорошо.

Я пошла домой, отключила мобильник и легла в кровать. Не раздеваясь. Провалилась сразу. Как в яму. Никаких снов не видела. А когда открыла глаза, было темно. Я включила лампу, посмотрела на часы: полночь. Было ощущение, что я просто моргнула. Закрывает глаза – и открыла. Как в это мгновение поместилось тринадцать часов – неясно. С пересыпу в голове стоял легкий звон, что-то типа жужжания неисправной проводки. Я включила мобильник, и он сразу же зазвонил.

- Да.
- Эу!..
- Что еще за «эу?»
- Евдокия, это ты?
- Ну я. А кто это?
- Это я, Федор. Ты чего отключилась-то? С мужиком, что ли? Гы-ы-ы...

Господи, еще не хватало! Это был Храп. К тому же явно пьяный. Еще не очень, но, так сказать, в начале большого пути. Я слышала, что насчет героина у него сейчас «площадка». Герыч, как говорится, ждал Храпа. Где-то месяца два Храп держится. Зато пьет и пыхает. А это в больших дозах сочетание страшное: водяра с марьей иванной. Месяц назад, как мне рассказывал Аладдин, Храп съел полторы бутылки «Парламента», обкурился анашой и пришел к выводу, что он умеет летать. Типа Икара. Решил с пятого этажа долететь до березы, которая стояла метрах в двадцати от окна. Залез на подоконник, растопырил руки и почти уже полетел. Братва подросла и еле его удержала. А он еще половину своих бритых спасателей покалечил от отчаяния, что ему не дают стать Чкаловым. Одному мочку уха откусил. В общем – высокие отношения.

Что ж это за жизнь? С одной стороны – азербайджанцы матерятся. С другой – пьяный уголовник. Тоже сейчас материться будет. Сверху – крокодилы Паровоза кушают. Вежливо так... а посередине – я. Слабая женщина, да еще с излишним весом. И все звонят по очереди, хотят чего-то. Оставьте вы все меня в покое! Оставьте...

- Плохо я себя чувствую, Федя.
- А... Ясно. Я тоже себя плохо чувствую. Тебе этот Гайдар ср...ный звонил?
- Какой Гайдар?
- Ну, не Гайдар, этот... как его... Тимур.
- Звонил.
- И что?
- Ничего. Завтра сдаю хозяйство.
- Он мне тоже звонил. Час назад. Говорит: три дня на размышление. А я знаешь, что сделал? Я его в ...уй послал.
- Федь...
- Что? Опять матом нельзя? Ладно, не буду.
- С ними лучше не связываться. Ты же знаешь. Они тебя просто... замочат. Тихо, как больного бобика.

– А вот в ...уй я его послал! Ясно? Это ты зря про бобика. Это мы еще посмотрим, кто Плохиш, а кто Крутой Уокер. Мне эти твои дружки – Али-Баба и сорок азербайджанских разбойников... ну, в смысле – Ахмад с Аладдином говорили, что он типа Вахин. И что Паровоз на киче прописался. Но я видел Ваху-заср...ху этого знаешь где?.. Ваха далеко, а я тут. Я с братьями в Коротеевской зеленке схоронюсь – там лес густой, как волосы у Вахи на сисях, – и буду их отстреливать по одному. Из ядерной рогатки, мл... Я им такой Курилковский джихад устрой, они у меня противотанковые рвы вокруг своих супермаркетов будут копать.

Я вздохнула:

– Федь...

– Что? Я тебе, Евдокия, точно говорю. Ты этого Тимура с его командой видела?

– Нет.

– А как ты этому Гайдару точку будешь сдавать? Заочно?

– Он завтра... то есть – сегодня в шесть приедет осматривать помещение. Я на встречу не пойду. Я уже все подписала.

Федя явно напрягся:

– В шесть?

– Ну.

– Вечера?

– Нет, утра.

– Обана. Спасибо за информацию.

– Федь, ты что?! Федь, ты... Федь, ты не дури...

– Все нормально. Я ему устрою свидание.

– Федь... Не надо...

– С предками, сука. Значит, в шесть?

– Слушай, Федя, я тебе ничего не говорила, ты понял? И – ложись спать, Федя. Проспись лучше.

– А что ты мне говорила? Ты мне только про свою любовь к партии и правительству говорила. Я...

Я услышала, как Храп булькает. Наверное, прямо из горлышка.

– О, мл, хорошо... Хот... Я, Евдокия, ты же знаешь, обычно ровно в шесть часов со своими любимыми пуделями Тотошей и Кокошей гуляю. Около магазина «У Дуни». Знаешь такой магазин? Гуляю я там. Тотоша писиит, Кокоша какиит, мл... а я сижу на скамеечке и «Чука с Геком» по слогам читаю, мл... Вот такое совпадение. В шесть часов. В шесть нуль-нуль. – В трубке опять забулькало. – Х-хот... Они тебе хоть денег-то дали?

– Нет. Говорят, дадут потом...

– Ясно. По жопе долотом. Ладно. В шесть так в шесть. Ты не бэ, я их по пути подловлю: магазин твой будет чистый. Пока.

– Федь...

Но трубка уже гудела.

Так. Это что же получается? То, что Храп, уже разогретый, с пацанами сегодня что-нибудь устроит – в этом у меня не было ни малейшего сомнения. Значит, я тихой сапой этого Тимурыча подставила под обдолбанного Храпа? Так это же хорошо! Туда ему, сволочи, и дорога. Неужто я стала... как это называется?.. Наводчицей? Заказчицей? Плевать мне, как это называется. Есть все-таки в мире справедливость, а? Евдокия Ивановна? И двадцать лет ждать не надо, а? Есть правда на земле и выше? А? Хорошо, есть. Что дальше? Дальше, дальше... А дальше – надо сейчас же собираться и ехать. Куда? К маме в деревню, куда ж еще?

Я стала быстро собираться. Последние пять тысяч лежали у меня дома. В шкафу. Потому что я их сняла со счета, чтобы расплатиться с пивными дядьками. А дядьки отменились. Вот они: последние мои денежки. Энзэ... Дура, я дура... Вкладывала в дело. А дело лопнуло. На банковском счете у меня оставалось долларов сто, не больше. Да еще семь тысяч рублей в кошельке.

Пять тысяч долларов я взяла с собой. Это была пачка почему-то из пятидесятидолларовых купюр, перетянутая классической черной резинкой. Толстая пачка. Толстая резинка. «И я тоже – толстая», – подумалось. Я положила пачку в целлофановый пакет. Пакет попыталась запихнуть в дамскую сумочку. Не вышло. Тогда я закопала деньги среди вещей в спортивной сумке. Много вещей я брать не стала. Надела джинсы, куртку, кроссовки. В деревне-то много

ли нужно? На сборы ушло минут двадцать. Дело приближалось к часу ночи. К маме, к маме! Около двухсот километров. Часа четыре в дороге. Можно и за полтора, но я же без мигалки. Если все сложится хорошо, часов в пять буду на месте. Недельку отлежусь, а там посмотрим.

Я вышла в серовато-грязную ночь с большой спортивной сумкой через правое плечо и с маленькой дамской через левое. «Патронтаж неудачницы», – сформулировала я для себя. Села в «Ниву». Накапывал мелкий октябрьский дождик. Большую сумку бросила на заднее сиденье. «Ну, подружка, не подведи...»

Машина завелась сразу. «Молодец, подружка...» Я проехала по битому асфальту мимо пятиэтажек. По полуслякоти-полугальке, вразвалочку, протряслась мимо длинного забора хлебозавода. Потом пошли рабицы, дощатые заборы. Затем – плетни. Галька кончилась, осталась размытая колея. Я свернула с разбитой колеи прямо в поле. Наперерез. По довольно твердому, с дерном полю через пять минут я выехала прямо на местную дорогу. Вот и все. Еще минут десять – и шоссе. Я негромко включила радио. Там пели советскую песню о главном: «Мой адрес не дом и не улица...» Актуально.

Теперь – только белесые пятна от фар на асфальте впереди и дворники-ходики: туда-сюда, туда-сюда... Слушать песни. Курить. И думать о чем-нибудь хорошем. Только о хорошем и главном. О маме.

Глава 5. О главном

Надо, надо думать только о хорошем. И – главном.

Моя мама, Надежда Петровна, всю жизнь проработала медсестрой в районной больнице.

Семилетка. Училище. Больница. Вот и вся мамина жизнь. Еще в этой жизни было два несурзных мужика-неудачника и я.

Мама родилась в деревне, где и прожила всю жизнь. В той самой, куда я ехала этой ночью. Деревня имела странное, высокое и безнадежное разом название – Кресты. Скорее всего, ее называли так из-за старого сельского кладбища, на котором хоронили усопших со всех окрестных деревень. В Крестах никто не говорил «кладбище». Все говорили – «погост». Странно, но мобильный в Крестах брал только на погосте.

Вот и не получается думать о хорошем. Хотя о главном – как раз получается. «Главное» и «хорошее» – это разные слова в русском языке.

На погосте треть захороненных – солдаты Великой Отечественной, треть – старухи, треть – молодые еще мужики и даже парни.

Солдатских могил здесь нет. Есть плита. Там – солдатики. На плите – список сотен в пять имен. Даты все почти одинаковые: «1919–1941», «1920–1941», «1921–1941». Редко: «1920–1942»... Почти всех местных бросили сразу, в июне – июле 41-го, в Белоруссию.... А потом, чудом уцелевших, – под Москву. Здесь не уцелел уже почти никто. В самих Крестах из пятидесяти ушедших на фронт вернулись двое. Один из них – мой дед. Он вернулся без ступни, прямо из госпиталя, сбежав оттуда 31 августа 1945-го. Он торопился вернуться, словно предчувствовал свою судьбу. Бабушке завидовали. Ровно 31 мая 1946-го родилась моя мама.

Мама родилась, но ее отец (мой дед) – умер. Не дождавшись рождения дочки. Он даже не знал, что она родится. Ему плохо сделали ампутацию. Началось нагноение, потом – запущенная гангрена и заражение крови. Дед зачал дочь в ночь с августа на сентябрь. Бабуля знала это точно, потому что только одну ночь они друг друга и любили: на следующий день дед занемог.

Он успел.

В ночь с сентября на октябрь, он, намучившись, отошел. На погосте есть могила с очень редкой здесь датой: «Петр Петрович Русаков (1920–1945)».

Потом бабушка рассказала маме всю эту историю. Тогда маме было десять лет. В десять лет она твердо решила стать медсестрой. Надела единственную белую блузку, пионерский галстук, пошла на могилу отца, отдала пионерский салют и сказала: «Папа, я клянусь стать медсестрой. Честное пионерское!» И стала.

Бабушка дожила до 98-го. Так больше замуж и не вышла. Хранила верность своему Петечке.

Вообще историю моей страны надо изучать не по учебникам, а по погостам. Посмотри даты, и все станет ясно. До слез ясно.

Сначала была первая война. Этих могил почти не сохранилось. Потом – Гражданская – то же самое. А потом был конец 20-х. Могил сотен раскулаченных нет. Они почти все братские и неизвестно где. Потом была вторая война.

В 70-е стали косяком уходить матери погибших на фронте солдат. «Анфиса Сергеевна Приживалова (1895–1971)». «Валентина Евлампиевна Нычкина (1897–1974)»...

В 90-е стали уходить их дочери и вдовы погибших: «Степанида Федоровна Нычкина (1910–1998)». «Мария Пахомовна Приживалова (1921–1997)»... А вот и наша: «Евдокия Ивановна Русакова (1921–1998)».

Когда я приезжаю в Кресты и хожу на могилу бабушки, я каждый раз вздрагиваю. Потому что мне мерещится, что это моя могила. Только даты не те. Перепутал кто-то там, наверху.

На погосте есть несколько десятков могил совсем молодых парней. Есть и несколько девчонок. Родившихся в 60-х и погибших в 80-х. Это даже не афганцы, нет. Вернее, афганцы тоже есть. Но бóльшая часть – это те, кто разбился на мотоциклах. В 80-е пошла мода на мотоциклы. Их покупали вскладчину, собирали сами из запчастей. А потом гоняли, как сумасшедшие, и по пьяни бились насмерть. Десятками. Так разбился мой старший брат («Петр Сергеевич Русаков (1969–1986)»). Мчался ночью по проселку, наехал на трубу – перелом основания черепа. Живот распорот. Все внутренности лопнули. И кровь вытекла почти вся. Утром его нашли. Мне было одиннадцать лет, когда он разбился.

В 90-х пошел настоящий мор среди тридцати-сорокалетних мужиков. Помирали мужики и раньше. Но в 90-х стали массово травиться забаженной водкой. Суррогатом, говоря иначе. Кресты помнят 97-й. Хоронили очередную старушку, поминали. А потом похоронили сразу восьмерых мужиков. А еще десятерых моя мама отвоевала у смерти в больнице. Двое из них через полгода все равно напились суррогата, отравились и умерли. Вот такое русское упрямство. Переть на кладбище, независимо от обстоятельств.

Моя мама проработала в больнице 45 лет. И упорно продолжает работать. Отговорить ее невозможно. Три раза в неделю ходит дежурить на целые сутки. Оклад – две тысячи пятисот рублей в месяц. Да еще пенсия полторы. Да еще два раза в год – на Новый год и на «Победу» – премия по тысяче. Называлась сначала «Володькин магарыч». Потом стала «Мишкиным гостинцем». В смысле – президентская надбавка. Вот так вот. Как бы на такой малине не избаловаться. С непривычки-то.

Первый муж моей мамы, Сергей, был шофером. То есть он мужем ее не был. Он приехал в Кресты в 1968-м откуда-то то ли с Тулы, то ли с Рязани. Просто занесло мужика. Задудло каким-то ветром. Погулял-погулял мужик и уехал. Так родился мой покойный брат Петр. «Родился покойный...» Господи, прости... А об отце Петра больше никто никогда не слышал.

Второй мамин муж, мой отец, теперь уже действительно – муж, был трактористом из соседней деревни. Он по пьяни попал под трактор.

То есть дело было так. Шел 1974 год. Он напился и сел в трактор. Завел и поехал. Потом заснул и вывалился из трактора. Вывалился – и лежит, спит себе. Трактор долго ездил задумчивыми кругами и овалами вокруг моего отца, Ивана. Ездил-ездил, а потом и наехал на него. Но переехал-то всего только левую руку, кисть. Пьяным, как известно, везет. Кисть помяло, но обошлось даже без ампутации. Зашили – и зажила кисть, как у собаки лапа. Так, скособочилась слегка. Вот моя мать этого Ваню в больнице и отхаживала, пока у него рука заживала. Были они одногодками. Оба – с 46-го года. Познакомились – сблизились (прямо в больнице). Поженились. И родилась я. Тоже 31 мая (вот такое совпадение) 1975-го.

А потом, в 1992-м папа Ваня упился суррогатной водкой и умер («Иван Иванович Лаптев (1946–1992)»). Фамилию я взяла мамину. Отца помню, но почему-то плохо. Был он человек незлой, несуразный, пил запоями. Но без шума. Помню: лежит в сених и спит. Тихо лежит, даже не храпит. И вроде не дышит. Как бы частично умер. Или помню: стоит на коленях во дворе, левой рукой держится за стену, а правой держит шланг и пытается пить из него. А вода льется из шланга ему на грудь, а потом – в штаны. А он никак шлангом в рот попасть не может. Или: сидит он на крыльце и гладит собаку. Тырю. Слегка качается – и улыбается.

И еще: мое самое первое детское воспоминание. Солнечный морозный день клонится к концу. И от этого солнце особенно пронзительно-яркое. Может, мне год или два. Я, вся укутанная, стою во дворе. Передо мной на ветке сидит снегирь. Он отрывисто свистит и, склонив головку набок, очень внимательно смотрит на меня. Красная, кажущаяся на солнце охряной, грудка как будто замшевая. На завалинке сидит мой подвыпивший отец и свистит вместе со снегирем. У него получается очень похоже. Потом отец хлопает в ладоши, и снегирь улетает куда-то в сторону солнца. Да, это самое-самое первое воспоминание. Раньше я себя совсем не помню. И отца я, как сейчас, вижу таким, свистящим, как снегирь.

Вот такой у меня был отец: то ли спит, то ли помер, неудачно пьет воду, гладит собаку или свистит снегирем и улыбается.

Вот и все...

Дорога была почти пустой. Автомобили встречались редко. Почти половина встречных машин светила только одной фарой. Глубинка. Один раз меня остановил гаишник. Пардон, гибэдэдэшник. Гибэдэдэшник был грустен и страшно пах луком и перегаром. Он взял документы, посмотрел на меня. Спросил: «Едем?». Я сказала: «Едем». «Ну и езжай». Даже не взглянул в документы. Зачем останавливал? От одиночества, наверное.

По радио пели песню «Феличита». Забыла, как их зовут, этих итальянцев. Он старается, воет, как малорослый кобелек. Шпиц. А она спокойная такая. Крупная. Типа овчарки.

Я поймала себя на том, что за последний час курю уже четвертую сигарету. Было около пяти утра. Местность была мне знакома: к матери я из Курилок съездила уже раз десять. Километров через пятьдесят должен быть поворот на районный город Соснянск. С ним у меня было много связано. Здесь я провела несколько месяцев, почти год. Давно это было.

Мне захотелось есть – сразу и очень сильно. Значит – надо завернуть в Соснянск. Все-таки – довольно большой город. Помню, там даже два кинотеатра было. Тогда, лет десять назад. Может быть, там есть какое-нибудь круглосуточное заведение. Если не кафе, то хотя бы магазин круглосуточный. Хотелось не есть, хотелось – жрать. Долго и молча. Я не ела уже почти сутки.

Глава 6. Чтоб не травмировать Бога

Я въехала в город и поколесила по немногочисленным улицам. Даже в пять утра, в октябрьской грязной темноте, было видно, что Соснянск с тех пор, с середины 90-х, изменился. Как и многие такие же российские города.

С одной стороны, все-таки, несмотря ни на что, было видно, что здесь очень давно и очень надолго, может быть, навсегда поселилась неизбывная провинциальная тоска. Не та, от которой воют и бросаются на стену, а потом – с балкона, а та, которая рано или поздно становится синонимом слова «жизнь».

С другой стороны, стало больше как бы жизнеутверждающего. Как бы. Прежде всего – неона. Здесь были и банк, и центр с игровыми автоматами, и «Макдоналдс». Все это – светилося в пять утра на улице Ленина. То есть предполагалось, что можно непринужденно снять деньги в банке и тут же их быстро потратить за автоматами. Потратив все, сходить от нахлынувших чувств в бесплатный сортир «Макдоналдса» и возобновить цикл.

На улицах Кирова и Советской светилося несколько витрин. В одной стояли три лысых манекена трупного цвета. Трое невозмутимых искусственных мачо. Хозяин магазина, судя по всему, обладал специфическим чувством юмора. Первый манекен был совершенно без всего, но в носках, второй – в одних семейных трусах, третий – только в шляпе. Наверное, здесь подразумевалась какая-нибудь глубокая аллегория. Все верно. Фишка должна быть туманная. Дешифрованный прикол мертв.

На улице Советской, среди двух- и трехэтажных домов, втиснулась избушка. Я ее помнила. Ее все хотели снести, но так и не снесли. Бревенчатая старенькая избушка, с наличниками, даже с коньком. Тогда, я помню, она пустовала. В ней было что-то среднее между неофициальной распивочной на случай дождя и общественной уборной на случай распития.

Теперь избушка была вся в светящихся бело-желто-красно-зеленых фонариках. Над входом светилося выведенное почему-то в старославянском стиле: «СЕКС-ШОПЪ».

В общем, народ в Соснянске развлекался как мог.

Мне повезло. В конце Кирова, ближе к шоссе и около заправки, светилося: «БИСТРО КРУГЛОСУТОЧНО». Невдалеке от бистро стояла пара фур. Я тормознула между фурами, взяла сумочку, пискнула замком и направилась в бистро. Метрах в ста, в двухэтажном доме кто-то громко разговаривал. Несколько очень нетрезвых голосов. Иногда кричали. Там явно гуляли. Догуливали.

В заведении было пусто. Только два очень похожих мужика, видно, те самые дальнбойщики из фур, молча ели пельмени за одним столом. То есть мужики были совершенно разные: один большой и толстый, к тому же блондин, а другой маленький и худой брюнет. Но похожи они были поразительно. Каким-то внутренним содержанием. Метафизически. Они синхронно посмотрели на меня и, как мне показалось, с синхронным же разочарованием вернулись к остаткам пельменей.

На витрине особых разносолов не наблюдалось. Пельмени, сосиски с капустой, котлеты с пюре, оливье цвета аллегорических манекенов, бутерброды с колбасой, сыром и красной рыбой. Пирожные. В общем – нормально. Естественно, за стойкой никого. Пока я думала, что взять, дальнбойщики опять же синхронно встали и ушли.

«Возьму-ка я тоже пельмени. А еще возьму бутерброд. Два. Чай у них, интересно, есть? Должен быть. И пирожное возьму. Вот это... Нет, вот это...»

За стеной зарычали фуры.

«Кефиру надо взять, если свежий...»

Фуры явно отъезжали. Рык удалялся. Слышно было, как говорили и орали в соседнем доме. Стучали чем-то. Какая-то тетка сначала завизжала, потом демонически захохотала. Что-то звякнуло и разбилось. Опять захохотала тетка. Типа птицы в джунглях.

– Эй, есть кто-нибудь? – спросила я.

Никто не отзывался.

– Эй!

Появилась сонная женщина примерно моего возраста. То, что она моего возраста и сонная, я видела краем глаза по ее походке. Телосложения тоже моего. Я даже машинально прикинула, что она килограмма на три тяжелее. В лицо я ей даже не посмотрела. Женщина встала у стойки и накрепко уперлась в нее животом.

– Дайте мне, пожалуйста, одни пельмени. Два бутерброда с рыбой. Так? Теперь – пирожное. Это и это. Так? Кефир. Только если свежий. А чай я у вас после возьму.

Женщина стояла молча.

– Нет, вы знаете что... вы лучше мне кефир не надо давать. Дайте соку яблочного.

Женщина стояла молча.

– И дайте еще тогда уж с колбасой бутерброд.

Я продолжала смотреть на витрину и сглатывать слюну. Люблю я это предвкушение...

– Дусюк! – вдруг шепотом сказала женщина. – Жрать – дело пороссячье...

Я посмотрела на нее:

– Леноч! Ты?! Леночек!

Это была Ленка. Стояла и улыбалась шире стойки. Только Ленка на всем свете умела так улыбаться.

– Дусюк! Колобочек ты мой родной!

– Ленка! Плюшечка моя изюмчатая... Скажи «изюм»!

– Мармелад, – расплылась Ленка в своей коронной улыбке.

В общем – это была Ленка Баш.

Толстухи бывают двух видов – грустные и веселые. Можно выразиться иначе: трагические и комические. Это такие амплуа по жизни. Толстухи в стиле «изюм» и в стиле «мармелад». Трагикомических толстух не бывает. Трагические толстухи иногда, конечно, смеются. Комические толстухи, разумеется, тоже плачут. Но дело это не меняет. Я всю жизнь была трагической толстухой. Типа сильно растолстевшего Пьеро. Или опухшего Дон-Кихота. Ленка – толстухой комической. Вроде отъевшегося Арлекина и натурального Санчо Пансы. В течение почти целого года здесь, в Соснянске, мы не расставались.

Поймите, дело не в идиотской сладкой парочке «оптимист-пессимист». Дело глубже. Оно – в «реализме-романтизме», наверное. Я не знаю, как это еще выразить. Ленка всегда была реалисткой. Она знала, что она – толстушка. Да. Я – толстушка. И? Мой тухес чуть-чуть шире вашего. И у меня нет талии. Почти нет. И? Ну и что? Да и ничего. Подвиньте ваш тухес. Дайте пройти. Жизнь продолжается.

Я же всегда была романтиком. Я всегда тактично игнорировала тот факт, что я есть то, что я есть. Я думала, что есть нечто большее. Не в смысле толщины. Я думала, что мой пухлый тухес – это бред, сновидение и временный мираж. Что он – дурная греза. А вот «реализм» заключается в том, что рано или поздно ко мне приедет принц на белом коне с голубыми коками или на синем с красными, что все равно, и, словно бы не заметив моего пухлого тухеса и полного отсутствия талии, увезет меня в Сказочную Страну. И я ждала принца. И от предчувствия и волнения кушала. И мой миражный тухес пух не по дням, а по часам. А принц все не появлялся.

И вот в те моменты, когда мне особенно остро казалось, что он вот-вот должен появиться, но он все не появлялся, появлялась увесистая и конкретная Ленка со своей фирменной улыбкой в стиле «мармелад», и спасала меня от трагического наваждения. Она появлялась и тогда,

когда вместо принца появлялось очередное уёжище, искусно загримировавшееся под эталон женского счастья.

Без неё я бы, наверное, уже триста раз повесилась или отравилась. Ленка говорила всегда так: «Опять трагедия? Ладно, давай, чтоб Бога не травмировать – пожрем...» Ленка, Ленок, Леночка... Где же ты все это время была? И где была я? Господи... чтоб тебя не травмировать... прости.

Глава 7. Целлюлит-97

В Соснянск я попала в 97-м. Меня направил сюда Паровозов.

В Соснянске открылся рынок. Директором рынка был друг Паровозова, бывший «коллега» по зоне. Звали его Анатолий Васильевич Дышлюк.

Особенностью Анатолия Васильевича было прежде всего его лицо: все измятое, в каких-то рытвинах, буграх и буераках. Типа осеннего подмерзшего проселка или скомканной простыни. Может быть, он когда-то болел оспой. Может быть, в юности у него были проблемы с угрями. Может быть, дело было в боксе, которым он занимался в молодости. Может – во всем сразу. Не знаю. Не спрашивала. В криминальном мире за ним числилась одна кличка необидная, другая – обидная. Необидная – Дышло, обидная – Целлюлит. На «Целлюлита» он обижался смертельно и вполне мог убить. Но дело не в этом.

К 97-му я уже неплохо освоила бухгалтерские дела. Знала, что такое торговля. Паровоз направил меня к Целлюлиту. Типа – замом. Так ему при мне по телефону и говорил:

– Толь, это тебе не сикильдявка смазливая, понимаешь? Этих ногастых сосок с ресницами – их у нас, сам знаешь, как в гальяне окурков. Тут другое. Девчонка с хваткой. Сообразительная, перспективная. При этом – честная.

Здесь он по-отечески многозначительно, сурово и нежно в одном прищуренном флаконе взгляда, посмотрел на меня, потом продолжил:

– Так что – бери, Толя. Работать будет. Конечно, не секретаршей. Доверь девахе серьезное направление, разверни дочку вширь, вдаль и вглубь...

И я развернулась. И работала. Дышлюк сильно щедрым не был, но жмотизмом тоже не страдал. В общем, я кое-что прикупила из вещей, приобрела однокомнатную квартиру и даже съездила отдохнуть в Турцию и в Египет, а это для Соснянска-97 было, что ни говорите, круто. Мы вместе с Ленкой съездили. Но – это отдельная история.

Ленка у Целлюлита была чем-то вроде главного пивного дилера. Ездила по точкам, налаживала сбыт и все такое. Тут самым сложным было уследить за тем, когда что сожгут и когда какого хозяина посадят или пристрелят. Здесь нужно было чутье на пожар, как у крысы, и на смерть, как у вампира. А я заведовала складом. В общем, мы занимались на пару примерно одним и тем же. Только я больше поставщиками, а она – заказчиками. С нашими грузчиками на складе в основном разбиралась я.

Это были шесть лбов. Трое с полукриминальным прошлым. Двое – зашитых алкашей. Один – бывший колхозник. Самый, кстати, среди них нормальный парень. Целлюлит сказал мне:

– Дуня! Ты – ихняя главная мамка. Наподобие Пугачевой. Секешь? Секешь, спрашиваю?..

– Да, Анатолий Васильевич.

– Ну и вот. Действуешь по методу: занесение – занесение со строгим – матумба. Секешь? Два предупреждения – и адыо навек. Скажем: напился, прогулял – будь здоров. Или: нахамил, подрался – будь здоров. Или: спер, напился – будь здоров. Секешь?

– Да, Анатолий Васильевич, секу.

– Если что, сразу ко мне. Ну, если забеспредельничают.... Я им лично бобо с бякой буду делать. Я им ухи к пяткам шпагатом пришью. А потом в этой позе каждый сам себе персональный минет будет делать трое суток. Извини, Дуня...

– Ничего, Анатолий Васильевич, я привыкла. Они ж там... выражаются.

– Я им повыражаюсь! Я им скальпы с задниц поснимаю. Я им всем эпиляцию газонокосилкой буду делать. Медленно. Чуть что – сигнализирую.

Сигнализировать не приходилось. До автоминетов и ягодичных скальпов дело так и не дошло. Ребята понимали, что к чему, за место держались. Со мной обращались хорошо.

Жизнь шла вроде бы нормально. Хотя «жизни», в настоящем понимании этого странного слова, в общем-то и не было. Личной... или как это называется?.. Склад, разъезды по району, опять склад. Рынки, грузчики, накладные... По двенадцать – четырнадцать часов в сутки. В редкие выходные – двадцать часов мертвого сна. Единственным проблеском этой самой «жизни» были посиделки с Ленкой, которая тоже крутилась как белочка больная.

Где-то раз в две недели мы находили-таки вечер и встречались. Как правило, у меня. Мы брали хорошего пива, хороших продуктов и сидели чуть ли не до утра. Пили, ели и говорили, говорили, говорили.

В отличие от меня Ленка меняла мужиков с периодичностью здоровой менструации. Ну, может быть, несколько реже.

– Понимаешь, Дусь, – говорила Ленка, густо намазывая вареную сгущенку на лаваш. – Мы с тобой в этом смысле что-то вроде грибников. Только, Дусь, грибники бывают разные. Ты, скажем, ходишь по лесу и ищешь белый гриб. И чтоб он был большой и совсем-совсем не червивый. Чтоб шляпка от Хьюга Босс, а ножка, в смысле, штаны – от Бриони. И интеллект – как у Ленина, до того, как он сифилитиком стал, конечно. И чувство юмора, как у Райкина с Никулиным. И вообще... Ходишь, ходишь... Вокруг всякие сыроежки пьющие, опять с комплексами... А тебе они на фиг все не нужны. Правильно я говорю? Ты даже подберезовики не берешь. Потому что он, видишь ты, с лысиной. А я вижу сыроежку – цап ее! – и сожру. Увижу опенок – хвать его! – и на сковородку. Ну, пьет, ну, с комплексами. С лысиной, глупый, даже туповат слегка... Ну и что? Мне ж с ним детей не растить. Поиграли в лошадок – и пошел ты на фиг. Или: мы с тобой типа рыбаков. Мой нынешний этот... дауненок...

– Филя-то?

– Филя. Он – рыбак. Понимаешь? Он, видишь ты, рыбу любит ловить. Сидит и ловит. Если маленькая попадается – он ее гордо обратно в пучину вод выкидывает. Ему нужна Большая Рыба. Понимаешь? Как Хемингуэю. «Старик и море» читала? Ну и вот. Самая-Большая-Рыба-В-Реке ему нужна. И вот он сидит и, как коала в нирване, ее месяцами ловит. Репу на поплавок навел и сидит. Думаешь, хоть раз он ее поймал? Не-а. Ни разу! И не поймает никогда. Вот и ты тоже так, извини за сравнение. То есть я не хочу сказать, что не поймает, я, Дусюк...

– Да нет, Ленюк... Не в лысине дело... Бывают и с лысиной ничего. Но ведь они ж на меня...

– Хочешь сказать – не смотрят? А что, на меня смотрят? Да они ни на кого не смотрят. У них у всех перманентное похмелье на фоне кризиса среднего простатита. А мы с тобой вообще, можно сказать, красавицы. Сто двадцать – сто двадцать – сто двадцать. Мечта грузина. А эти... Чтоб он на тебя, Дуся, посмотрел, ты должна его властно взять за грудки – одной рукой. Вот так, – Ленка крепко взяла в воздухе воображаемые грудки. – А другой – взять его за его глупую морду, тоже властно, и повернуть в свою сторону. Вот так. Понимаешь? А ведь он еще будет сопротивляться, башкой вертеть, глаза закрывать. А ты ему глаза-то открывай пальцами, открывай... И улыбку делай... Такую... приветливо-угрожающую. А уж потом, когда он устанет дергаться, води его в лошадок играть.

– Да неинтересно мне, Ленюк, в лошадок твоих... Не в лошадках ведь дело-то.

– Это ты зря, – назидательно говорила Ленка, кусая от лаваша. – И в лошадках тоже дело. Лошадки, во-первых, полезны для здоровья. А во-вторых...

Она не торопясь, по-хозяйски дожевала остаток лаваша.

– А во-вторых, это держит в тонусе. Себя уважаешь. Вот что главное. Захотела – доби-лась. Знаешь, после третьих-четвертых лошадок он уже начинает сам к тебе тянуться. Как октябренок – к знаниям. Глупости заодно всякие говорить. Типа ревновать и так далее. При-

выкает. Говорит: «булочка моя». Или: «сисепопочка моя». Черт-те что горюдит. А это – уже неинтересно. По большому-то счету. Нет, конечно, если вдруг хороший человек потянется, – можно и самой привыкнуть. Я – за. Но чтоб такой попался – надо же пробовать. Работать надо. Методом проб и ошибок. Под лежачий камень... Сама знаешь. Семь раз пое...сь, один – поженись... В смысле – выйди замуж.

Я вздохнула.

– Не бойся ты, Дусеныш. Все у тебя будет хорошо, – улыбнулась Ленка, намазывая клубничный джем на плюшку. – Придет к тебе твой принц. Красивый, как хрен его знает что. И роковой, как попа носорога. Никуда он не денется. Подожди немного. А если не придет, я тебе его сама найду. Возьму за ухо или еще за что-нибудь, что крупнее, – и приведу. Сейчас мы с тобой немного денег поднакопим, оперимся. Съездим – отдохнем. А потом... Все, Дусюк, будет у нас с тобой славно. На тебе плюшечку. Ешь, Дусюк. Ешь и ни о чем не парься. Я с тобой.

Мы немного оперились. Съездили в Турцию. Ясное дело, в Анталию. Хорошо отдохнули. Господи, море!.. Я его один раз только в детстве видела. Когда мама меня на последние средства отправила в Крым, в Евпаторию. В пионерлагерь, помню, «Родничок».

В Анталии Ленка сразу нарыла себе турка. Вернее, двух. Один был платный, другой – бесплатный... Как бы... Нет. Вернее, так: первый просто и честно брал деньги за оказанные услуги. С этим Ленка дня три покувыркалась, а потом распрощалась.

– Он пахнет как-то... – морщилась Ленка. – Ацетон – не ацетон. Деготь – не деготь. В общем – г...но запах. Хотя и дезодорантится, бабуин чертов. Да ну его! Волосатый весь, как ризеншнауцер. И дорого берет – сотню баксов за сутки. А реального толку – как от трамвая адреналину.

Второй турок денег не брал: он стал резко играть в любовь. Сразу. Высказывать чувства. Ворожить глазами. Держать паузы. Брать за ручку. А заодно – расспрашивать про бизнес, про то, где Ленка живет и так далее. Ленка забросила поганку, что живет в Москве и что держит турфирму. На четвертый день он сделал Ленке предложение. Сделав предложение и получив ответ: «Я не против, но посмотрим», – он еще через день завел турецкую народную песню о главном, а именно, что он хочет немедленно, то есть через месяц, сыграть свадьбу. Потому что любовь у него такая, что терпеть нельзя. Типа поноса. Но сейчас ему нужно расплатиться с дальней родней за приобретенный ранее у нее, дальней родни, «мерседес» («мерседес» присутствовал, слегка подержанный, но сносный), потому что без мира со всеми родственниками его папа – «Ата́» – добро на свадьбу не даст. Это такая традиция у них. Долги надо отдать. А папа «Ата» (живущий ныне в Германии), если он, Осман (жениха звали Осман, сокращенно – Ося), найдет себе достойную невесту, стряхнет ему, как с куста, сто тысяч долларов для развития первичной ячейки. В смысле – семьи. Сто тысяч плюс – дом в Кемере. Машину – помимо подержанного «мерседеса». И тьму протекций насчет работы.

То есть у них, у турков, все так: ты, Осман, выясняешь и улаживаешь все свои долговые обязательства, а уже после этого имеешь право на «свадебную инициацию», которая будет щедро оплачена. К инициации ты должен прийти финансово чистым и непорочным, как трепетная целка из сериала «Бедная Настя». Вот такая традиция.

А уж то, что Ата даст сотню – это точно. Главное – за мерс раздербаниться с родичами. Три тысячи – и Ата, весь в родительских сентиментах, соплях и кредитках, будет у ног Лены и Оси.

Говорили они на странном русском. «Ося» знал слов пятьдесят, но ими умудрялся выражать самые сокровенные изгибы и головокружительные виражи матримониальных проектов. Ленка отвечала ему густым российским фольклором, нисколько не заботясь о том, насколько ему, Осе, это понятно. Например, Осман говорил:

– Ты – две за после недель деньги три штуки сдават, я – мой папа сразу сказалъ. Неделъ – свадьба есть, сто штука есть.

Это, как вы поняли, значило: через две недели ты дашь деньги, я сообщу об этом отцу, а еще через неделю мы сыграем свадьбу.

На что Ленка (в моем присутствии, я помню) ответила:

– Ты, Оська, свое бу-бу про «утром деньги, вечером стулья» будешь на Лубянке размазывать. Я ж тебя, как рентген, до самых энцефалограмм вижу. И мне этот твой «Ату-тату» с его виртуальной соткой до слез подозрителен. И ты с твоей хомячьей мордой – тоже. Врешь ты все, Оська. За мои такие же виртуальные три штукаря ты еще раз пять... Дусь, мы через пять дней уезжаем?..

– Через пять.

– Еще раз пять со мной в парном заезде поучаствуешь. Отработаешь ты свой ко мне коварный обман, Оська, ой, отработаешь... А потом я уеду – и свисти, Ося, в свою турецкую дулю.

Ося с отработанным долгими тренировками обожанием смотрел на Ленку. «Ося» все отработал (проводил он ее усталым), а Ленка уехала, бодрая и жизнеутверждающая, как всегда, пообещав, что три тысячи переведет через сутки. Ну, пообещала – и уехала.

В Турции она мне все время «дарила» каких-то турок. Но ничего, кроме рвотного спазма, они у меня не вызывали.

Через полгода – примерно тот же сценарий сложился в Египте. Об этом как-нибудь потом.

Потом (это другое «потом», уже после Египта, это было в декабре) мы вернулись назад, в Россию.

Я, помню, приехала домой, приняла душ. Звонок. Звонила Ленка.

– Але.

– Але, Дусюк. Все. Целлюлита грохнули.

И здесь началась другая эпоха.

Глава 8. Карма, блин...

Мы сидели с Ленкой в «Бистро круглосуточно» и говорили, говорили. Ленка принесла всего самого лучшего. Сама пила пиво. Я – нет: за рулем. Но ела хорошо, потому что за рулем есть можно.

После дальнобойщиков сюда больше никто не заходил. В соседнем доме продолжали догуливать. Начало светать.

Ленкина история «1997–2007» была, в общем-то, проста и до того типична, что и рассказывать ее как-то совестно.

После гибели Целлюлита (его согласно Целлюлитовой карме устранили при переделе пивного рынка) она устроилась в местный ресторан. Официанткой. Потом ресторан сгорел. Она стала продавщицей в ларьке. Ларек снесли. Ленка устроилась в «Бистро круглосуточно». Вот тут теперь и подъедается.

В течение последних лет мы встречались с ней несколько раз: она приезжала ко мне то в Кресты, то в Курилки. Последняя наша встреча состоялась три года назад в Курилках. Тогда еще у Ленки была «эпоха Ларька», а заодно и эпоха романа с армянином Коро, хозяином нескольких ларьков в Соснянске. Тогда, три года назад в Курилках, мы, помню, сидели так же, как сейчас. Всю ночь. Потом светало. И даже соседи бузили так же. Накануне субботы, вернее, уже в субботу. Тогда она рассказывала про Кору. Говорила: хороший мужик, приличный. Может, даже замуж за него пойду.

Через год (это она рассказала уже сейчас, в Соснянске) Кору неожиданно пропал (вроде бы на него дело завели). Смылся. Забрал денежки – и смылся. Ларьки снесли. И еще Кору наградил Ленку нехорошей болезнью. В общем-то Ленке с ее графиком жизни к болезням было не привыкать: раз пять она лечилась и вылечивалась. И в этот раз опять вылечилась. Но с последствиями. Врачи на этот раз поставили диагноз: бесплодие. Лечиться от бесплодия можно. Но это долго и дорого. Словом, догулялась. Сама она, расплывшись в непробиваемо оптимистичной улыбке, говорила так: «Вот они к чему, беспробудные-то пое...ушечки, ведут».

Внешне Ленка не изменилась почти никак. Все та же Ленка. Совсем не красавица, а приглядишься – и обязательно улыбнешься. Пышка, в свои тридцать пять выглядящая на двадцать пять. Волосы темные, густые. Голос звонкий и неуловимо хулиганский. Глаза карие, смеются, шоколадки, и как будто чуть-чуть даже косят от желания что-нибудь такое сделать не совсем благопристойное. Вообще у Ленки всегда такое выражение лица, словно она очень хочет рассказать анекдот, словно ее прямо всю распирает от желания его рассказать, даже ноздри раздуваются, но она никак не решается. Потому что анекдот слишком уж неприличный для этого общества. Но – очень смешной.

И про все свои несчастья, болезни и разочарования Ленка рассказывала именно с таким выражением. Как будто все это нескончаемый анекдот. А самое веселое, соль будет в конце.

Я поведала Ленке про свои дела.

– Плюнь, – сказала решительно Ленка. – Плюнь и даже не растирай. Много чести. Отдохнешь – и все образуется. Вот увидишь. У тебя на лбу написано, что тебе в жизни повезет. Прямо вон вензель на лбу. Красивый такой, с завитушками: «Ве-зу-ха».

– Да уж, везет мне, как...

– Вот увидишь, Дусеньш. Тебе – точно повезет!.. А знаешь что?.. У меня сейчас смена заканчивается. Через полчаса. Суббота с воскресеньем – выходные. Поехали к тебе в Кресты, а?

– Поехали, Леночек! Конечно, поехали!

– Я, правда, почти сутки не спала...

– По дороге выпишься, а потом – у мамы.

– Правильно. Сейчас мы всяких вкусностей наберем – и поедем.

В соседнем доме вдруг опять сильно загалдели. Словно в поддержку Ленкиного порыва. Опять демонической лошадю заржала тетя. Мужской пьяный голос выкрикнул: «Ухожу в поля!» Что-то стукнуло, звякнуло. Потом затихло. Было слышно, как зажужжала машина. Наверное, кто-то из отгуливающих решил уехать. Через пару секунд зазвенело разбитое стекло. Заливисто и отчетливо. Лошадь опять заржала. Машина рванула газом и уехала.

– Вот, – сказала Ленка. – К счастью.

– К счастью, – повторила я.

– Люди веселятся. И мы с тобой повеселимся. Знаешь, честно говоря, мне эта столовка уже вот где, – она рубанула себе ребром по скуле. – Да и тебе, наверное, все эти магазины, склады... Тьфу! Пиво это, ящики, грузчики...

– Не говори, Ленок. Еще кругом эти Паровозы, Целлюлиты... Зла-то я от них вроде и не видела... Спасибо им. Но – не мое это. Надоело.

– Надоело! Живешь – как нудный сон смотришь. Как, бывает, дрянь какая-то снится, и знаешь, что спишь и проснуться надо, а все смотришь, смотришь, смотришь... Нет, харэ! Мы с тобой что-нибудь совместное придумаем.

– Совместное предприятие «Елена и Евдокия».

– Ага! «Е – Е». Или: «Дуся и Лена». Сокращенно – «Дуля». Нет, лучше: «Дусюк и Ленок».

– Совместное предприятие «Две толстухи». Им «Три толстяка» можно, а нам?! Нет, мы что-нибудь свое, оригинальное, интересное придумаем... Изящное такое... Чтоб для души.

– Конечно, придумаем, – уверенно сказала Ленка. – Лично я – баба умная. Это я тебе точно говорю. Ты, Дусюк, – вообще, блин, Эйнштейн. Мы – свободные, молодые, здоровые, симпатичные, можно сказать, лэйди. В полном расцвете сил и таланта. Что нам мешает разворошить весь этот свиарник, а? Ничего не мешает.

– Абсолютно ничего не мешает!

– Вот и разворошим! Сейчас я нямнямки соберу – и поедем. Все там обмозгуем на свежем воздухе, распланируем. И начнем новую жизнь. Правильно я говорю?

– Правильно, Ленок! Как же я тебя люблю!..

– А я тебя – знаешь как!.. Почти как зефир и клубнику вместе взятые...

– Зараза ты все-таки... Дуры мы. Несколько лет какой-то ерундой порознь занимались... И зачем?

– Я не зараза. Я – язва. А мы – не дуры. Так жизнь сложилась. Карма, блин, такая. Теперь жизнь по-другому сложится. Вот увидишь. Не сразу, конечно. Но – сложится.

Мы обнялись и так, обнявшись, молча и тихо просидели несколько минут.

– Ладно, давай собираться, – сказала Ленка, отпихнув меня в ключицу и тут же ее погладив. – Ты сиди и пей чай, а я – сейчас.

Я сидела, пила чай и смотрела в окно. Уже почти совсем рассвело. По шоссе туда-сюда шныряли машины. Редкие. Издавали еле слышные отсюда, из «Бистро», вопросительные стоны. Гуляющие стихли. Я посмотрела на часы: полвосьмого.

В «Бистро» вошла молоденькая стройная девушка с обиженными пухлыми губами. Сменщица, наверное, Ленкина. Не глядя на меня, она зевнула, зашла за прилавок и скрылась за дверью.

Тут же появилась Ленка. Она улыбалась и несла два больших бело-синих пакета с красной надписью «Моя семья».

– Поехали.

Я взяла у Ленки один пакет, который оказался очень тяжелым. Ленка запаслась по полной. Мы вышли из заведения и направились к машине, которая стояла метрах в тридцати. Я оглянулась на дом, в котором гуляли этой ночью. Он был точно такой же, как мой. В «моем» окне (второй подъезд пятый этаж) горел свет. Ленка внезапно остановилась:

– Ба-а-а-ляхин фантик! Вот тебе и Карма!..

Я посмотрела на Ленку, потом на мою «Ниву», на которую смотрела Ленка. Боковое, правое заднее стекло было разбито.

– Вот с-с-суки! – сказала Ленка.

Я бросила пакет и подбежала к машине. Большой сумки не было.

– Что сперли? – спросила Ленка.

– Все, – ответила я. – Там пять тысяч баксов было. Последних.

Ленка завела глаза влево вверх и, мыча, сделала ими круг – через небо – вправо вниз.

– Здравствуй, новая жизнь, – сказала я.

Даже плакать не хотелось. Я достала пачку «Vogue». Она была пустая:

– И сигареты кончились.

Зазвонил мобильник. Ровно через секунду. Как в дурном фильме. Стечение обстоятельств в стиле экшн. Я посмотрела на номер. Это был номер Аладдина. Закапал дождь. Все правильно. Еще не хватало, чтоб начались месячные, землетрясение и война с Китаем.

– Привет, Аладдин...

– Привет, Евдокия. У меня плохие новости, извини, конечно. Ты где?

– Далеко, в Соснянске.

– Это хорошо, Евдокия. У тебя алиби.

Аладдин молчал и как будто бы обиженно сопел в трубку.

– Что случилось?

– В общем... Короче, Храп устроил корриду.

– Что?!

– На Тимурыча наехал со своими киндерсюрпризами... Пристрелил он Тимурыча.

– Как?!

– Не знаю, насмерть или нет. Их было трое, в смысле – Тимурыч и еще двое. Охранники, наверное. А может, и не охранники. Ну, они к твоему магазину подъехали. Эти... гангстеры, б...дь, тоже подъехали. Человек шесть-семь. Не знаю точно, сколько. Начали говорить. Разговор не получился. Ну и начался тут... вестерн, б...дь. Извини, что матерюсь. Нервы, б...дь.

– Ничего...

– Ну и вот. В общем, Тимурыча и этих двух увезли в больницу. И храповских колобков тоже троих увезли. А Храп, говорят, удрал, б...дь...

– Насмерть? Насмерть убило тех?..

– Вроде да. А эти трое, Вахины, говорят, в реанимации. Я этого всего, сама понимаешь, не видел... Одни слухи кругом. На ушах город стоит. Теперь нас всех тут так поймеют... Представить страшно. А у тебя там как дела?

– Нормально. Деньги все украли.

– Ш-шайтан! Смотри, если надо, дам. Я вообще-то, ты знаешь, в долг не даю. Но тебе, Евдокия, дам. Ты все-таки мне друг, Евдокия. Ладно, пока... Посадилов тут ко мне приехал. Привет ему передать?

– Передай.

– Ладно. Передам. Пока. Звони, если что.

– Спасибо, Аладдин. Пока.

Я посмотрела на Ленку.

– Все, Ленок, путем.

– Еще что-нибудь?

– Да. Стреляли...

– Так... Потом расскажешь. Сейчас заедем ко мне, возьмем деньги. У меня пара тысяч в заначке есть. Стекло вставим. У меня здесь в сервисе ребята знакомые. Как же ты деньги-то в машине оставила?... Как дитя, ей-богу... Это когда стекло-то били – это ж твое было...

На счастье, блин. Деньги эти, конечно, уже не найдешь... Но ты не огорчайся. Вещички мои будешь носить: мы с тобой одинаковые. А хуже уже ничего не случится. Самое худшее уже случилось. Главное – живы и здоровы...

– Как выяснилось, не все.

– Так, чтоб все, не бывает. Поехали.

Глава 9. Прыжок Тарзанихи

В Крестах мы с Ленкой были к полудню.

Когда въезжали в деревню, выглянуло солнце. Поулыбалось нам пару минут через застиранную ситцевую кисею октябрьского неба и скрылось.

Мама, встречая нас, засуетилась, стала топтать туда-сюда по половицам избы. «Топтыша», – подумала я. Подумала – и чуть не разревелась. Хотелось улыбаться и беззвучно реветь. Не знаю от чего.

Ленка разомлела. Улыбалась во все зубы и зевала.

В избе пахло мытым полом и каким-то аккуратным и мудрым стариковским одиночеством. Целомудрием вечности, что ли... Наверное, так будет пахнуть в раю. Никакими не райскими цветами, а как в простой русской избе, где живет мама.

Посидели за столом, поели Ленкиных разносолов. Попили пива. Поболтали. Ленку провало на анекдоты. Мама все больше слушала, улыбаясь, качала головой. О моих бедах я ей, разумеется, ничего не говорила. Сказала: отпуск. Пару недель дали отдохнуть и отоспаться.

Потом мы с Ленкой легли спать. В обнимку на печке. Проснулись в темноте. Вышли, погуляли по деревне. Кое-кого встретили из местных, обменялись новостями: в основном – кто помер, кто еще жив. Новости в стиле «Рашн ньюс». Вернулись, опять поели. Опять легли спать.

На следующий день – все то же самое. Я чувствовала, что постепенно прихожу в себя. Мобильный я отключила еще по приезду и даже не пыталась включать.

За столом и во время прогулок Ленка все время болтала про то, как все будет хорошо. И мне становилось все лучше и лучше от ее болтовни, от мелкого октябрьского дождика, от маминого топтания.

В воскресенье вечером Ленка уехала. Я подвезла ее до электрички. «Через пару недель увидимся», – сказала она.

– Увидимся, – повторила я.

Я вернулась в дом и заснула.

Так прошло десять дней. Трижды я ходила на кладбище. Посидела у родных могил, очистительно поплакала. Поплачешь на могиле – и вымывается из тебя скверна.

Октябрь тоже плакал. Он выдался теплым и дождливым. Дождик шел мелкий, шуршал, как будто кто-то от скуки или в задумчивости пересыпает небесную крупу. Пахло мокрым палым листом, сладко, с карамельным привкусом. Или как чернильной промокашкой в детстве. Регулярно выступало солнце. Часа на два. И опять начинало моросить. И моросило, моросило...

В лесу было много грибов. Вроде бы давно октябрь – а грибов, как в сентябре. И дух в лесу стоял словно бы грибной. Странно. Все странно стало на этом свете.

На одиннадцатый день моего пребывания в Крестах я в очередной раз сходила в лес. Затем – на кладбище. Вернее – на погост. Постояла у могилы бабушки. Теперь мне уже не плакалось – думалось. Раньше что-то темное мешало думать о хорошем. Слезы вымыли темноту – и стало светлее. Не торопясь побрела домой. У кладбищенской ограды нащупала в кармане плаща мобильник, автоматически, не задумываясь, включила. МТС плохо, но брал. Включила – и даже вздрогнула. Высветилось: получено тридцать три сообщения. Все тридцать три – от Аладдина. Получалось, что он писал по три раза в день.

Сообщения были примерно одинаковые:

«Евдокия, привет. Срочно перезвони! Аладдин».

Или:

«Есть важная информация. Где ты есть? Перезвони срочно. А.»

Или просто:

«Перезвони!»

Было и такое, без знаков препинания:

«Перезвонишь ты б...дь или нет!»

Я перечитала все сообщения. Поймала себя на том, что хочу угадать: хорошее сообщит Аладдин или плохое. Внутренне я уже решила: если узнаю или даже почувствую плохое, не буду звонить. Последнее, тридцать третье, сообщение было следующее:

«Евдокия! Звони срочно. Мой московский номер 319 27 19. Моб. тот же. А».

Странно. Может, Аладдин у своих братьев? Я подумала, прошла вперед, пока на связи не высветилось еще несколько квадратиков. Почему-то здесь, на погосте, лучше всего связь была у старой засохшей треснувшей ивы, выросшей в старую ограду. Раньше, в моем детстве, здесь висела тарзанка. Ива тогда еще была сильной и зеленой. Самым крутым трюком было раскачаться и, когда тарзанка над забором, – сигануть через забор. Прыгнешь раньше – можно долбануться об забор. Промедлишь – упадешь раскорякой в крапиву. Надо поймать точку над забором. Тогда улетишь далеко. Мы так и прыгали: кто дальше. Это называлось: тарзанить. Я прыгала дальше всех девчонок и многих мальчишек. Меня даже одно время так и называли: Тарзаниха.

Я набрала код Москвы и московский номер. После первого же гудка трубку взяла женщина, совсем молодая. Это была не Люба, жена Аладдина, нет.

– Компания «Трансмед». Добрый день.

«Трансмед какой-то...»

– Здравствуйте. Будьте добры Аладдина...

– Аладдин Ахмадович в командировке. Представьтесь, пожалуйста.

– Я... Евдокия... Ивановна... Русакова.

– Погромче, пожалуйста, вас плохо слышно.

– Ру-са-ко-ва.

– А! Евдокия Ивановна! Очень приятно! Вы в Москве? – Голос девушки мгновенно сделался неправдоподобно счастливым. Как у Коровьего, говорящего с Босым.

– Н-н-нет...

– Срочно приезжайте. Аладдин Ахмадович разыскивает вас уже больше недели. Сегодня – среда. Желательно, чтобы завтра вы зашли в офис. За четверг и пятницу мы оформим документы, а в понедельник отдадим на подпись начальству.

– Какие документы? – спросила я тихо. Наверное, саму себя. Но девушка меня не слышала. Она продолжала радостно тараторить в эфире, в котором так же радостно трещали какие-то далекие, по-новогоднему бодрые петарды помех:

– Может быть, даже удастся подписать в пятницу. Это было бы прекрасно, но все зависит от самочувствия Тимура Тимуровича. Хотя в общем-то это не принципиально. Можно и в понедельник. Но лучше бы в понедельник уже приступить к работе. А за полнедели можно оглядеться. Расселиться. Квартира у вас неплохая. Двушка. Пречистенка. До офиса пять минут пешком. Служебная «школа». Пока не «мерседес». Так что приезжайте. С нетерпением ждем. Как только будете в Москве, звоните по этому телефону. Меня зовут Алла. Во сколько вы завтра будете в Москве?

– В середине дня, – ответила я. – Может быть, в три-четыре...

– Прекрасно! Ждем! До встречи, Евдокия Ивановна! Всего доброго!

– До свидания.

Тимур Тимурович, Пречистенка, «школа» – все это было слишком. Я набрала номер Аладдина.

– А! Евдокия! Все-таки позвонила! – напевно, как наевшийся шербета муэдзин, заорал Аладдин в трубку. – Ну что ты там спряталась?.. Я тебе, можно сказать, как пламенный любов-

ник, эсэмэски шлю, а ты молчишь, как, б... дь, Несмеяна-некрофилка. Срочно езжай в Москву. Позвони по телефону, который я тебе дал.

– Уже.

– Хорошо. Потом все объясню. Тут так... по мобиле не расскажешь. Что-то вроде сказки здесь получилось... Про Золушку читала? Она сначала, как шнырь опущенный, толчок за мачехой мыла, а потом раз – и типа Романа Дерипасковича стала. Я думал, такого в жизни не бывает. А оказывается – бывает. Я вот в командировке. В Лондоне я, Евдокия. Стою вот, в Темзу плюю. Тьфу! Вон тьфука моя полетела... Вах! Сейчас поплюю еще полчасика и в отель пойду. «Хилтон» называется. Буду лежать на диване и английский учить. Зис из э тэйбл. Ай эм ан азербиджаниш пайаниэр. Ту би, б... дь, ор нот ту би... Знаешь, как этот их местный зануда дядя Омлёт говорил... До сих пор местные авторитеты на этот вопрос дяди Омлета не ответили. Завтра вечером обратно в Москву полечу. Увидимся. Все, давай, до связи, Евдокия.

Дома я сказала маме:

– Кажется, меня переводят в Москву.

– Вот и хорошо, Дусенька моя, вот и хорошо. Господь тебя храни...

Ночью я лежала и думала. Стоило закрыть глаза – и мне представлялся полет тарзанки. Сначала – раскачиваешься. Могила, могила, забор, поле... Назад... Могила, могила, забор, поле... Отрываешь руки – и летишь. Далеко-далеко. Секунда, две, три – как целая вечность. Только бы подольше не приземляться.

Я заснула, так и не приземлившись.

В пять утра я уже была в дороге. До Москвы – часов шесть пути.

Глава 10. Приключения Электроника

Впервые в Москву я попала в 1991 году в возрасте шестнадцати лет. Приехала поступать на экономический факультет МГУ. И поступила.

Мне не верили, да и сейчас – особенно – не верят, что я поступила сама. Но это правда.

В школе, в которую я из Крестов каждый день ходила полтора часа пешком, до восьмого класса я училась неважно. Я была хулиганка Тарзаниха. Я всегда была полненькая. Но дразнить меня боялись. За «жир-трест-комбинат-пром-сосиска-лимонад» я лезла в драку сразу. Молча. Била почему-то в лоб. Кулаком. Без предупреждения и сильно. Пацаны меня уважали. Давали покурить, прокатиться на велосипеде, мопеде, мотоцикле. Мне нравилось ловить рыбу. Особенно шук на спиннинг. Но спиннинг в деревне был редкостью. Всего один на все Кресты. Я неплохо играла в футбол и в хоккей. Обязательно нападающим. То есть нападающей. До сих пор в крестовском сарае стоит моя клюшка, перемотанная черной изолентой. На клюшке написано: «Дуся Русакова. Спартак – чемпион!».

В восьмом классе у меня в голове что-то щелкнуло. Я стала читать и хорошо учиться. Причем меня интересовало буквально все: от поэзии до химии. Сельскую библиотеку в Крестах я перечитала за год. Всю, до единой книжки. Выяснилось, что у меня почти зеркальная память и серьезные математические способности. В школе я перестала быть «Тарзанихой» и стала «Электроником».

В первой четверти десятого класса я влюбилась. Это был новичок, сын нового районного агронома. Его звали Саша Наев. Кстати, спиннинг был Наевский.

Саша был худой, высокий, стройный, с большими серыми глазами. У него были мягкие вьющиеся волосы и родинка на левой ключице, ближе к горлу. И я сходила с ума именно по этим волосам и по этой родинке. Целыми ночами я гладила его волосы и целовала родинку. Вернее, гладила и целовала подушку.

В первый день осенних каникул я не вынесла. Подстерегла Сашу, подошла к нему прямо на улице и сказала:

– Саша, я тебя люблю.

Перевела дыхание и спросила:

– А ты меня – любишь?

Он как-то недовольно посмотрел мне в лицо, куда-то мимо глаз (он вообще так всегда делал), потом – на мои ноги и сказал:

– Нет.

Это «нет» прозвучало неожиданно гнусаво и занудно.

Неделю, то есть все каникулы, я почти не ела и не выходила из дому. Почти не спала. «Наверное, ему не понравились мои ноги», – думала я. Ведь он так внимательно на них посмотрел. И еще было непонятно, как можно смотреть на лицо человека, не глядя ему в глаза. Я лежала на кровати и смотрела на потолок. Там была трещинка, похожая на букву «Н» из слова «нет».

А на восьмой день, в первый день после каникул, выпал снег. Он валил весь день пушистый и веселый. Я смотрела в окно, и мне казалось, что снежинки летят вверх, а не вниз. Наверное, так оно и было. Но меня эти взлетающие вверх снежинки, поразили. «Я тоже взлечу», – прошептала я. И улыбнулась первый раз за восемь дней.

Я пошла в школу. Дрожала от истощения.

Сашу Наева на первом же уроке вызвали к доске, он что-то отвечал из заданного на каникулы, кажется, читал наизусть Горьковского «Буревестника». Меня поразил его гнусавый и занудный голос. «Над седой равниной моря...» – все это говорилось в нос. Так у меня «Буревестник» и остался в памяти гнусавым. И сам Саша показался мне тощим, угловатым и то ли

жадным, то ли скрытным. Трудно сказать. А снег за окном все валил и валил. Вверх снежинками. И мне стало окончательно весело и легко.

На перемене я подошла к Саше, который с испугом отшатнулся, и сказала громко, чтобы все слышали:

– Я тебя не люблю, я ошиблась. Слышишь, Саша: я – ошиблась. Извини меня.

Я смотрела ему прямо в глаза, а он их прятал. Они у него бегали: то на уши посмотрит, то на плечи, то вообще в сторону. Это было не смущение. Бывает, что ребята смущаются. Нет. Тут другое. Гнильца какая-то. Красивые вроде бы глаза, а гнилые. С какой-то тайно-порочной поволокой. Он сказал сипато:

– Дура больная...

И боком, боком отошел в сторону. Я вздохнула с облегчением. Засмеялась. И стала учиться.

Зимой я решила: поеду в Москву, поступать буду в МГУ.

Потом был последний звонок, экзамены, медаль, выпускной.

В конце июня 1991-го я стояла на площади трех вокзалов. Мамины деньги – часть в лифчике, часть – в трусиках. Потому что меня учили: в Москве все деньги, если их не спрятать, точно украдут.

Москва была большая, потная, душная, раздраженная. Все, казалось, говорило: тебя тут только, шалавы, не хватает. Я думала, Москва другая: высокомерная, надменная. Я думала, она будет меня унижать. А она просто отмахивалась от меня, как от мухи. А это было еще обиднее. Но я чувствовала: все будет по-моему. Все!

Документы в МГУ у меня принимал мужчина с пепельным лицом и черной, с проседью, словно в пыли, бородой. Он все время нервно зевал и после каждого зевка судорожно чесал бороду, приговаривая одно и то же: «О Господи! Да что ж это такое-то!». За время оформления моих документов он зевнул, почесался и повторил свое «О Господи!» раз двадцать. Один раз только разнообразил шепотом: «Занимаюсь тут х...ей какой-то», – и опять зевнул. Странно: торопится и зевает одновременно. И вся Москва так же. В метро все зевают и торопятся. Озверевшая усталость. Усталое осатанение. Мне тогда, в первый день, Москва очень не понравилась.

В общежитии меня поселили с девочкой из Узбекистана. Девочку звали Юлдуз. Готовиться к экзаменам она даже и не пыталась. Целый день слушала узбекскую музыку, ела шербет и рассказывала мне анекдоты про казахов. Шербетом она меня угощала. Вкусный шербет. Но все время застревает в зубах. И пахнет картоном. Не знала она ничего. По-моему, она не знала, что такое уравнение. Про поэта Тютчева не слышала. Про Пушкина слышала, но считала, что он написал «пьесу “Бородино”». Фамилия у нее, правда, была Рашидова. Я думала – совпадение. Оказалось – нет. Какая-то родственница вождя. Поступила, кстати, с первого экзамена. Медаль – плюс пятерка по сочинению.

Я по сочинению получила четыре. На просмотре долго пыталась выяснить, за что четверка. В рецензии было написано: «Тема раскрыта полно. Анализ образа Печорина дан несколько однобоко». Ошибок – орфографических, пунктуационных, стилистических, фактических – в сочинении не было.

– А в чем однобокость анализа? – спросила я экзаменатора.

Тот мутно, как-то полиэтиленово посмотрел на меня, подавил зевок (да что же они все зевают-то?!) и, не отвечая, спросил:

– Вы медалистка?

– Да.

– Иногородняя?

– Из деревни.

Я сказала это «из деревни» с вызовом, гордо.

– Ясно.

Он помолчал как-то неожиданно то ли меланхолично, то ли поэтично, то ли вспоминая что-то далекое, потом добавил:

– Не советую подавать на апелляцию.

– Почему?

– Поднять оценку – не поднимут. А снизить могут.

– За что?!

Он опять продолжил, не отвечая:

– Может, и не снизят, а времени вы потеряете полдня... Я тоже, кстати, родом из деревни.

Да-с. Идите лучше, готовьтесь к математике.

Он помолчал, потом:

– Как деревня называется?

– Кресты.

Он вздохнул.

– А моя – Семечкино. Смешное название, да? Семь лет там не был. Идите, девушка. Вы – хорошая, умная... У вас пятерочное сочинение. Просто... жизнь такая. Идите, хорошенько готовьтесь к математике. Удачи вам.

Остальные экзамены я сдала на «пять». По истории меня спрашивали минут сорок. Экзаменаторы – их было двое – даже слегка вспотели. Когда я вышла с пятеркой, я случайно услышала за дверью их диалог шепотом:

– Саныч же сказал четверку всем ставить!

– Я тебе что, каскадер?... Если Санычу надо, пусть сам их топит... А то крутимся здесь, как Шариков в очистке... «Мы их душили, душили...»

– Ладно, ректор пару мест накинёт...

Экзаменаторы шепотом захихикали.

В общем, меня не додушили, и я поступила. Поступив, стала гулять по Москве. Музеи, выставки. Нет, все-таки Москва – это Москва! Особенно меня порастил Врубель. Час я просто-яла напротив «Демона». Потом почему-то плакала: жаль было этого Демона, страшно одинокого. Одинокого – навсегда. Навсегда одинокий – это ведь представить жутко.

Из общежития меня, конечно, выставили. До осени. К тому же и деньги кончились. И я вернулась в Кресты. Меня там встречали, как Пугачеву. «Наш Электроник в Москву поступила!»

Больше из моих одноклассников никто никуда не поступал. Даже не пытался. Пацаны в основном лоботрясничали и пили: ждали осеннего призывала. Девчонки устроились кто куда. В магазин, на ферму, на полумертвый хлебозавод. Я тоже стала работать, чтобы хоть немного накопить денег. Но время было – сами помните какое. С деньгами творилось что-то неясное. И в стране было – как в сумерках. Как говорят французы, «между собакой и волком». Собака – Горбачев, волк – Ельцин... Наверное, так.

Все-таки славным было это лето 91-го! Зори были невероятные. Грибы перли бог знает как. Радуги, зарницы.

Мне в МГУ разрешили вселяться с 21 августа.

19-го по телевизору показали про ГКЧП. Никто в Крестах, конечно, ничего не понимал. Дед Агей, самый старый в деревне, – ему было 83 – сказал: «Все. Пропердели. Державу». Плюнул и добавил: «Кончилась Варшавка. Началась шершавка».

Я тоже ничего не понимала. Я вообще ничего этого не помню. Помню только, как Ельцин жадно, как на бабу, лезет на танк. Или это было не в 91-м? Не помню.

21-го я села в поезд и поехала в Москву. Я не знала, что еду в новую эпоху, в новую страну. Да и никто ничего не знал. Я думала только о предстоящем счастье. Трудном, но большом.

Глава 11. От упыря до Тютчева

После полудня я подъезжала к Москве. Даже немного разволновалась.

В Москве я была в последний раз около года назад. Ездила за лекарством для мамы. И даже за этот год многое здесь изменилось.

Тогда, в начале 90-х, когда я училась в МГУ, Москва была другой. Я постепенно изучила ее лучше, чем сами сонно-торопливые москвичи. Я излазила все улочки, тупики и подворотни, всю эту, если разобраться, трогательно-безалаберную, словно дремлющую и копящую силы «кривоколенную вселенную». Музеи, букинистические забегаловки с вожделенными мандельштамами и ахматовыми, пельменные, дворы – все это стало за пару лет моим. Вошло навсегда, как радиация, что ли. Когда я уезжала из Москвы обратно в свои Кресты, я чувствовала, что когда-нибудь вернусь в этот город. Нет – не в «этот город», а в Мой Город. Я смутно ощущала, что Город отпускает меня словно бы временно, может быть, оберегая от чего-то. Может быть, чтобы я многое испытала, намучилась и отревела свое там, в вечно пьяно-грязном октябре русской глубинки. Москва слезам не верит, но она принимает тех, кто уже отплакал свое. Тех, кто не обломался на нытье. Кто не обозлился на Город. Город берет в жертву твои слезы и твое отчаяние, и если ты выживаешь – отдает тебе в жертву себя.

Пробки начались уже километрах в семидесяти от кольца. Косяком пошли гигантские фантики рекламных щитов. Шпалеры холодного, расчетливого идиотизма. Здесь это были просто гиперфантики, совершенно мертвые инсталляции. Раскрашенные трупы, или, если помягче, манекены брендов. Я почему-то вспомнила тех трех из Соснянска – в носках, трусах и шляпе. В провинциальном бизнесе всегда есть налет человечности. Нелепой, но он есть. Трогательная теплота человеческой глупости. «Бюро ритуальных услуг “Ангел”». Было у нас такое, в Коротеево. Его одно время держал Храп. Кажется, он этого «Ангела» и придумал. Провинциальный бизнес всегда сентиментален. Люди почти всерьез стараются. Кто как может. Похоже на третьесортный душераздирающий романтический шансон в ресторанчике на вокзале города Жиздры. Здесь, в Москве, все это кончилось лет десять назад. Даже юмор, так сказать, романтическая ирония, ушла из этой сферы. Когда-то я ела в московской забегаловке «Зайди попробуй». Пока ее не сожгли. Потом питалась в заведении «У нас вы можете». Его тоже сожгли. Наконец, наострилась перекусывать в забегаловке «Еда». Ее закрыли через пару месяцев. А потом в этом месте открыли пиццерию. Просто – «Пиццерию». Нормальный ход поршня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.